

О том, что за действиями полка постоянно следят, мы догадывались и прежде. У края взлетно-посадочной полосы нередко находилась какая-нибудь машина, которая при попытке проверки спешно уезжала. По данным разведки, среди местного населения было немало сочувствовавших оппозиции, которые могли предупреждать боевиков по радиостанции о времени взлета, количестве бортов и их направлении.

Тактику боевых вылетов пришлось изменить. Теперь планирование проводилось ограниченным составом руководителей, подготовка вертолетов и снаряжение их боекомплектов осуществлялись заблаговременно. На цель борты шли на предельно малой высоте с огибанием рельефа местности, в режиме радиомолчания.

Эти меры предосторожности очень быстро оправдали себя. Боевики не успевали организовать активное противодействие или укрыться и несли большие потери.

Наш экипаж в основном выполнял задачи на участке Московского и Пянджского погранотрядов. Некоторые были весьма сложными. Например, мы доставляли продовольствие и боеприпасы на высоту Тург, где находился пост заставы «Саригор». Ранее на этой высоте потерпел аварию «Ми-8МТ» майора Кривоносова. Когда он подходил к площадке, внезапно изменилось направление ветра, рулевой винт попал в режим вихревого кольца, и вертолет, сделав несколько оборотов вокруг своей оси, ударился о склон ущелья и развалился. Экипаж и пассажиры остались живы, но получили многочисленные ранения. Пострадавших в тот день эвакуировал подполковник Алексеёнок. Для этого уже в сумерках ему пришлось зависнуть в узком ущелье.

Во время первого нашего вылета на высоту Тург комэкс решил возглавить наш экипаж, чтобы показать, как действовать правильно.

С первыми лучами солнца мы были в воздухе. Нашли площадку быстро и для начала прошли над ней. Это оказался «пупок» строго под размеры шасси. Определившись с ветром, Виктор Алексеевич продемонстрировал, как нужно строить заход. Площадка была неровная, полукруглая, с крутыми скатами, что не позволяло выполнять висение в зоне влияния воздушной подушки.

Находившиеся на посту пограничники очень обрадовались нашему прибытию. Служить им было непросто: на такой высоте даже летом довольно прохладно, особенно ночью.

Взлет ничем особым не отличался, но мы произвели еще несколько заходов — для тренировки. И потом уже самостоятельно выполняли полеты на эту площадку. Позже этот опыт неожиданно пригодился.

На маршруте вдоль реки Пяндж на предельно малой высоте экипаж, прикомандированный с Дальнего Востока, налетел передней стойкой на валун и подломил ее. Необходима была замена поврежденной запчасты, но на складе таковой не нашлось. Боевой машине грозил простой! Тогда-то и вспомнили про вертолет Кривоносова. Решено было поискать нужную стойку среди обломков на месте крушения.

С нашим экипажем на поиски отправились инженер 1-й эскадрильи майор Лященко и несколько техников. Нужная стойка оказалась в рабочем состоянии. Не без труда мы сняли ее с пострадавшей машины и доставили ремонтникам. В авиации есть поверье, что с упавших вертолетов ставить оборудование на другие машины нельзя, но в данном случае опасения не оправдались: отремонтированный борт впоследствии успешно выполнил немало боевых задач.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Особо памятным для меня стало 10 июля 1993 года. В тот день наш экипаж был направлен на заставу «Саригор» для доставки продовольствия и оценки обстановки. Нас встретили начальник заставы старший лейтенант Михаил Майборода и его заместитель по боевой подготовке старший лейтенант Андрей Мерзликин. Мы разговорились. Они оценивали обстановку как спокойную. Однако приказ убрать из окопов все боеприпасы пока выполнять не спешили.

Мы сфотографировались на броне БМП. Один снимок я подарил Михаилу. 10 июля у него был день рождения, и он пригласил нас на скромное торжество. Мы поблагодарили, но остаться на площадке не могли... А боевики, как стало известно потом, уже были где-то рядом — оккупировали соседние высоты, вели разведку и даже успели запугать местное население.

13 июля 1993 года они напали на 12-ю заставу. Нас подняли по тревоге в третьем часу ночи. Менее чем за час

мы подготовили вертолеты. Застава на радиозапросы не отвечала. Нам была поставлена задача вылететь на высоту Иол вместе с начальником Московского погранотряда подполковником Василием Масюком, там высадить спецгруппу в количестве 15 человек и произвести разведку обстановки на 12-й заставе, не входя в зону обстрела.

В 4.40 мы уже были в воздухе. Высадив группу, на предельно малой высоте прошли над перевалом в двух километрах от 12-й заставы. Она была охвачена огнем! Шел ожесточенный бой, мы видели разрывы многочисленных снарядов, цепочки трассеров... Сделав еще пару заходов, наш вертолет приземлился на Иоле. Подполковник Масюк вместе с колонной выдвинулся в район 12-й заставы. А мы, дождавшись подхода основной авиатруппы, вылетели следом.

Приказ был по заставе не стрелять, работать по периметру, склонам гор и вновь выявленным целям. Боекомплект опустошили за несколько заходов и еще не один раз в тот день вылетали для нанесения ракетно-бомбовых ударов. Но плотность огня во время боя была такой, что на земле никто не мог высунуть даже голову из окопа, чтобы выстрелом из ракетницы дать нам целеуказание.

Только к вечеру мы произвели посадку в Московском. На следующий день продолжались удары по отступавшему противнику.

После окончания операции наш экипаж получил задачу вылететь в Душанбе для встречи командующего авиацией пограничных

войск генерал-майора Юрия Шатохина. Прибыв на место, мы заметили машину командира 23-го ОАП и построились около вертолета. Генерал Шатохин подошел к нам, приветствовал каждого рукопожатием. К слову, зрелище мы представляли собой не ахти: Ситнянский — в белом, выгоревшем от солнца комбинезоне и зеленой фуражке, я — в общевойсковом камуфляже и кепке, Кайгородцев — в камуфлированном заштопанном комбинезоне и солдатской «панаме». Но Юрий Иванович только объявил нам о том, что ожидается прибытие командующего Пограничными войсками Российской Федерации генерал-полковника Владимира Шляхтина.

Я и сегодня помню ту встречу. Владимир Иванович тоже не сделал нам ни единого замечания по поводу внешнего вида. Это был высокий мужчина крепкого телосложения, его рука оказалась в два раза больше моей! Чувствовалась в нем сила.

Прозвучала команда «запуск», и менее чем через час мы были на 12-й заставе. К тому времени от нее уже ничего не осталось... Мы увидели лишь руины, гильзы, воронки от взрывов да остовы сгоревших «ГАЗ-66» и БМП. На том месте, где был кабинет начальника заставы, остался один только металлический лист, изрешеченный пулями. Где-то там всего несколько дней назад Майборода повесил подаренную мной фотографию.

Позже в поселке Московский состоялась встреча командующего с начальником и офицерами погранотряда. Мы ждали на аэродроме, где в это время началась погрузка тел павших бойцов в вертолеты для переправки в Душанбе. Носилки, завернутые в простыни обугленные тела бойцов, запекавшая кровь, трупный запах — вот оно, истинное лицо войны...

В Душанбе генерал Шляхтин летел в нашем вертолете на месте борттехника. Вообще, он хорошо относился к летчикам и по возможности садился в кабину. По окончании полета Владимир Иванович поблагодарил наш экипаж.

По поводу трагических событий на 12-й погранзаставе есть разные мнения. Ясно одно: наши пограничники вели бой со значительно превосходящим противником, сражались героически и долг свой исполнили до конца.

Анализируя эффективность действий авиации, генерал-майор Шатохин отметил, что в районе боя было обнаружено много неразорвавшихся НАР, и предположил, что удары наносились с минимальных дистанций. Хотя есть и другое объяснение: использованные боеприпасы оставались со времен афганской войны, и взрыватели могли не взводиться из-за банальной старости ракет.

Тем временем попытки дестабилизации обстановки со стороны вооруженной таджикской оппозиции продолжались. Поэтому практически еженедельно проводились пограничные операции с участием авиации.

Так, 21 июля 1993 года мы наносили очередной ракетно-бомбовый удар по боевикам. Вертолет майора Алексеенка получил пулевые пробоины, были повреждены лопасти несущего винта. Но благодаря опыту и грамотным действиям Виктора Алексеевича борт произвел посадку на подобранную с воздуха высокогорную площадку без поломок и жертв.

26 июля 1993 года боевики сосредоточились у горных скатов в районе 11-й заставы Московского погранотряда. Достать их артиллерийским огнем не представлялось возможным. Решили нанести удар с воздуха.

В операции было задействовано десять вертолетов. Ракетно-пушечным огнем мы непрерывно обрабатывали верхушку горы. Под прикрытием пара машин, возглавляемая Виктором Алексеенком, начала спускаться в расщелину для нанесения авиаудара. Противник не дремал: ведущий вертолет получил повреждения трубопроводов топливной и масляной системы левого двигателя, основной гидросистемы. Экипаж Виктора Алексеевича на одном двигателе выполнил боевой заход и открыл стрельбу по бандитам. Запаса топлива хватило до посадки на 11-й заставе. Но едва шасси коснулись земли, заглох и правый двигатель вертолета. Машина не перевернулась, устояла, вся ее левая сторона была в топливе и масле...

Противник понес большие потери. При выполнении этого задания лично Виктор Алексеевич уничтожил более сорока прекрасно вооруженных бандитов, безоткатное

орудие и ПЗРК. Дерзкие и решительные действия авиагруппы сорвали попытку боевиков безнаказанно переправиться в Афганистан.

Вообще, эффект неожиданности зачастую был важнейшим фактором успеха. Так, в ходе одной из следующих операций ракетные удары авиация наносила с применением кабрирования (от французского *sabrer* — «поднимать на дыбы»; маневр, при котором нос летательного аппарата поднимается вверх относительно местного горизонта. — Прим. ред.).

В заданный район мы вышли колонной одиночных вертолетов. Взлетая из-за перевала, который надежно скрывал нас от бандитов, израсходовали весь боекомплект за два захода. Точность стрельбы при кабрировании невысока, но площадь рассеивания НАР и неожиданное направление удара обеспечили успешное выполнение задачи.

Стоит отметить, что описанные выше эпизоды далеко не полностью отражают действия пограничной авиации в Таджикистане. Неприятно удивляться противнику приходилось многие сотни раз! Счет пулевым пробоинам рано или поздно открывал на своем вертолете каждый экипаж — война есть война! Но героем среди нас был не тот, кто получил больше «отметин» на фюзеляже, а тот, кто смог грамотно спланировать боевой вылет, выполнить его без потерь и при этом нанести противнику невосполнимый урон. И мы гордились лишь таким результатом! ВГ

Подготовил Андрей МУСАЛОВ

Текст: Бекзат МОЛДАХМЕТОВА
Фото из архива семьи БУКЕЙХАНОВЫХ

ВОЕНВРАЧ С ГРОМКОЙ ФАМИЛИЕЙ

«Как вы яхту назовете, так она и поплывет!» Эти слова, сказанные обаятельным капитаном Врунгелем в известном советском мультфильме, давно стали афоризмом. Однако заложенной в них мудростью человечество прониклось и вовсе в незапамятные времена. Ведь еще в глубокой древности люди верили, что имя, полученное человеком при рождении, определяет и его характер, и жизненный путь.

Герой нашего материала — полковник медицинской службы в отставке Губайдулла Букейханов при рождении был наречен прабабушкой Забирой в честь двоюродного прадеда — Губайдуллы Джангирова, генерала от кавалерии, имя которого высечено золотыми буквами на мраморных стенах Георгиевского зала Московского Кремля.

Отец Губайдуллы Букейханова — Нух Хазиханович — представитель славного поколения, которое подарило миру Победу в Великой Отечественной войне и войне с Японией. На фронт его призвали 18-летним юношей в 1943 году. С врагом он сражался в 255-м артиллерийско-пулеметном батальоне, позже служил на Дальнем Востоке, в городе Имане. Домой вернулся лишь в 1950-м.

Юный Губайдулла воспитывался у деда, Хазихана Букейханова, заслуженного врача Казахской ССР, обладателя ордена «Знак Почета», профессора, заведующего кафедрой нормальной анатомии Алма-Атинского государственного медицинского университета (ныне — Казахский национальный медицинский университет имени С. Д. Асфендиярова). Неудивительно, что после окончания школы, когда встал вопрос о выборе профессии, Губайдулла Нухович решил объединить две стези знаменитых предков и стать военным врачом.

КРАЙ НЕЛЕТНОЙ ПОГОДЫ

В 1968 году, успешно сдав вступительные экзамены, Губайдулла Букейханов поступил на лечебный факультет Алма-Атинского государственного медицинского института. Окончив там четыре курса, он решил продолжить образование на военно-медицинском факультете Томского медицинского института и уже в августе 1972 года был призван в Вооруженные силы.

Службу Губайдулла Нухович начал в должности врача пункта медицинской помощи на Чукотке, в Краснознаменном Тихоокеанском пограничном округе. Назначение в край, словно созданный для испытания холодом и лишениями, не испугало ни лейтенанта Букейханова, ни его супругу Шахаризадзу Турсунхановну.

Женился Губайдулла Нухович еще в бытность студентом Алма-Атинского медицинского института. А в Томске у пары уже родилась дочь Айжан. Все вместе они выдвинулись в дальний путь, совершенно не представляя себе, что такое Крайний Север.

На берегах бухты Провидения молодую семью приняли очень тепло. И жизнь потекла своим чередом. Губайдулла Нухович сутками пропадал на службе: в краю суровых морозов ему приходилось быть и врачом ПМП, и фармацевтом, и педиатром, и гинекологом... К бойцам и их семьям он часто

Славные предки Губайдуллы Букейханова (слева направо): генерал от кавалерии Губайдулла Джангиров, заслуженный врач Казахской ССР Хазихан Букейханов и участник Великой Отечественной войны Нух Букейханов

добирался преодолевая сотни километров. Выручала авиация. Но погода на Чукотке капризная, и иногда возвращение из командировки затягивалось на несколько дней, после чего, так и не долетев до дома, Букейханов отправлялся в следующую командировку. Однажды ему пришлось 45 суток провести на острове Ратманова. Все это время, как и личный состав расположенной там заставы, врач нес службу по охране границы.

Остров Ратманова, место с весьма неблагоприятными климатическими условиями, сегодня Губайдулла Нухович вспоминает с теплотой и улыбкой:

— Зимой, чтобы добраться до ПТН, необходимо было подняться по вырубленным на горе ледовым ступенькам. Прибавьте к этому постоянный сильный ветер и мороз. Спускаться, правда, было намного легче и быстрее: скатился по горке со скоростью ветра, как в детстве на санках, — и все. Кстати, первый пограничный камуфляж был испытан на прочность именно на острове Ратманова. Нам пришлось раз 20 спуститься с этой горы на «пятой точке», после чего было написано заключение: «Штаны прочные, не рвутся».

Даже лютые северные морозы не страшны, если дома всегда тепло и уютно. С первых дней супружества Губайдулла Нухович благодарил судьбу за то, что повстречал на жизненном пути свою принцессу из сказки — Шахаризаду Турсунхановну. Хрупкая и нежная дочь далеко не рядового чиновника, с детства привыкшая к комфорту, оказалась внутренне сильной женщиной, которую не пугали тяготы быта. На суровой Чукотке она постаралась создать уютное гнездышко, где царил мир и гармония. Она не сердилась на супруга за долгие дни его отсутствия, а рядовые проблемы старалась решать самостоятельно. Воспитание и лечение детей (а в 1978 году в семье Букейхановых родился сыночек Газиз) тоже были на ее плечах. Но возвращение мужа из командировки каждый раз она превращала в настоящий праздник.

Шахаризада Букейханова — юная супруга пограничника

Губайдулла Букейханов с супругой и дочерью Айжан

Офицеры госпиталя Прибалтийского пограничного округа (справа налево): подполковник Ваулин, майоры Букейханов и Васютин, капитан Алмазов. Каунас, 28 мая 1988 года

На Чукотке у молодой семьи появилось много хороших знакомых и друзей, и когда настала пора переезжать к новому месту службы, целая толпа вышла на улицу провожать Букейхановых.

ПОЧТИ В РАЮ

В апреле 1980 года Губайдулла Нухович был переведен в эстонский городок Раквере на должность начальника военно-медицинской службы Гдынского пограничного отряда. После неуютного Севера Прибалтики со средневековой архитектурой и удивительными памятниками показалась Букейхановым настоящим раем.

Как и прежде, глава семьи все силы и время отдавал службе, ведь больные поступали с самыми разными заболеваниями: у одного язва открылась, у другого подозрение на аппендицит, у третьего холецистит, кто-то слег из-за травмы... Губайдулла Нухович и его подчиненные всех старались поставить на ноги. Многие проблемы удавалось предупредить, но иногда возникали, к сожалению, и нештатные ситуации.

В 1982 году молодой фельдшер Альянов по ошибке ввел 79 военнослужащим БЦЖ (вакцину против туберкулеза) в объеме, десятикратно превышающем необходимый... В тот день Букейханов каким-то образом почувствовал неладное и выехал из отряда на заставу, где полным ходом продолжалась вакцинация. Увидев в урне огромное количество использованных ампул, он поспешил приостановить процесс и разобраться в ситуации. Потом Губайдулла Нухович лично осмотрел всех солдат, получивших прививку.

Закончилась эта история благополучно: здоровье всех бойцов было восстановлено. Но с тех пор Букейханов все контролировал сам, а для каждого из своих подчиненных написал подробный алгоритм действий, которого медики отряда придерживались строго.

Известно, что врачи, как и летчики, учатся всю жизнь, постоянно повышая свой профессионализм, расширяя знания и навыки. Вот и Губайдулла Нухович, будучи уже опытным специалистом, успешно окончил курсы по психиатрии. И в феврале 1985 года был назначен начальником психоневрологического кабинета в госпитале Прибалтийского пограничного округа КГБ СССР, который располагался в литовском городе Каунасе.

В его семье, как и прежде, царили мир и гармония. Дети пошли в школу. А супруга тоже надела зеленые погоны и стала фельдшером в медсанчасти, ведь в свое время она с отличием окончила Усть-Каменогорское медицинское училище. И здесь наконец смогла применить свои знания на практике.

Кстати, Литва вошла в летопись пограничной семьи Букейхановых и таким знаменательным событием, как рождение в 1988 году сына Ильяса.

НА РОДИНЕ

Вскоре Губайдулла Нуховича пригласили продолжить службу в Алма-Ате врачом-психоневрологом Высшего пограничного командного училища КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Так Букейхановы вернулись на родину.

Период относительного спокойствия и стабильности прервал распад Советского Союза. На базе Краснознаменного Восточного пограничного округа были созданы Пограничные войска Республики Казахстан. И в 1994 году полковник Букейханов был назначен начальником медслужбы ведомства. Началась трудная и кропотливая работа по достижению современных стандартов врачебной практики в условиях разрушенной экономики страны.

Несмотря на солидный опыт, безусловно, было очень трудно. Порой даже руки опускались от безысходности. Не хватало элементарных медицинских препаратов, лечить солдат было нечем. Но привычка доводить начатое дело до конца, хозяйская хватка, профессионализм и, конечно, гены великих предков, которые никогда не отступали перед трудностями, помогли Губайдулле Нуховичу успешно выполнить все требовавшие решения задачи.

Он не жалеет о том, что в самом начале профессионального пути выбрал нелегкую дорогу военного врача, с которой не свернул. Рядом с ним прекрасная супруга, дети и внуки, множество друзей. У него немало учеников и последователей, ведь сегодня Губайдулла Нухович по-прежнему находит время для передачи им своего опыта и знаний. Для казахстанских газет и журналов он пишет статьи на медицинские темы. В свет вышли его научные работы «Медицинские катастрофы последнего десятилетия и идеи реформаторства в здравоохранении», «Программа подготовки врачей и ее недостатки, или Mala gallina — talum ovum» (лат. «Плохая курица — плохое яйцо». — Прим. ред.), «Санитарный надзор и санитарное благополучие нашего города» и другие.

Как и его легендарные предки, ветеран-пограничник Губайдулла Букейханов, даже выйдя на заслуженный отдых, радеет за судьбу Отчизны, за молодое поколение. А еще он гордится тем, что в сложное для страны время волею судьбы оказался в Казахстане и внес свою лепту в становление родного ведомства.

Сборы начальников медслужб Прибалтийского пограничного округа. Озерск, 1987 год

Шахаризада Турсунхановна с дочерью

Юбилар в кругу близких

ВСЕ ТАК ЖЕ СЧИТСЯ ЗАСТАВА

Текст: Рамиля АХМЕТОВА

Метель разыгралась не на шутку. Седовласый ветеран задумчиво посмотрел в окно. Подумалось: «Зима в этом году будет снежной. Хотя на моей заставе «Кок-Айгыр» морозы были суровее. Это же сколько лет прошло? Больше тридцати... Хорошие там служили солдаты. Интересно, где они сейчас?»

Внезапно раздался телефонный звонок.

— Здравия желаю, товарищ командир! Ефрейтор Симонов. Помните такого? — слышался знакомый голос.

— Слава Симонов? Конечно, помню. Только что думал о вас. Откуда? Как поживаешь?

— Узнали!!! Спасибо, все хорошо. Мы с ребятами долго Вас искали, помогли сослуживцы с форума пограничников. Ну, рассказывайте, как Вы?

Удивленный подполковник в отставке взволнованно слушал своего бойца. Разговор длился больше часа — собеседников захлестнули воспоминания о службе на границе.

В августе 1974 года лейтенант Кыдышев, выпускник Высшего пограничного военно-политического Краснознаменного училища КГБ при Совете министров СССР имени К. Е. Ворошилова, прибыл на заставу «Кок-Айгыр» Нарынского погранотряда. Тогда он и не думал о том, что коллектив подразделения станет для него почти родным.

На высоте около 3500 метров над уровнем моря новоиспеченный офицер увидел пару старых деревянных зданий и небольшой плац, горные кручи и редкие кустарники. Службу нести в такой местности — дело непростое. Одной бдительности мало. Нужны физическая сила и выносливость, смекалка и, конечно, боевая выучка каждого солдата.

— Ну что, замполит, приступай к службе. Солдаты у нас из Московской и Пермской областей. С характером! Да и участок границы сложный. Так что скучать не придется, — такими словами встретил офицера начальник заставы.

Так начались пограничные будни лейтенанта Кыдышева.

— Шестьдесят пар внимательных глаз. Шестьдесят характеров. И к каждому нужно было найти свой подход, — рассказывает подполковник в отставке Касым-Жомарт Кыдышев. — Тем временем шла обычная для молодого офицера служба: сменяли друг друга тревоги, дозоры, занятия. Через год меня назначили начальником заставы «Кок-Айгыр». В общей сложности я прослужил там четыре года. Затем был направлен в комендатуру, а позже в штаб отряда. Нарыну отдал десять лет. После служил в Зайсанском и Жаркентском погранотрядах. И все же первая заставка — самое важное место в становлении офицера. В 2008 году через Интернет меня нашли мои нарынские бойцы. С тех пор общаемся постоянно!

Сегодня «Кок-Айгыр» находится на территории Кыргызской Республики. Касым-Жомарт Кыдышев живет в Казахстане, а большинство его бывших подчиненных — в России. Но каждый из них помнит те годы, когда их объединила Ее Величество Граница.

Я попросила ветерана рассказать о каких-то конкретных эпизодах того времени. Но в ответ услышала:

— Разное бывало. Но лучше напишите о моих ребятах, о нашей заставе. Ведь именно она нас сплотила, поэтому даже спустя десятилетия мы продолжаем об-

щаться. Это дорогого стоит. Я им сообщу о нашей беседе.

На следующий день мой телефон разрывался от звонков. Такой «горячей линии» я не ожидала! Добрыми словами вспомнили службу на погранзаставе «Кок-Айгыр» и своего командира Кыдышева Александр Письменский из Москвы, Сергей Катаев из Лысьвы, Николай Молокотин из Перми, Владимир Томов из Сыктывкара и многие другие. Вот лишь несколько историй.

ПЕРВЫЙ НАРЯД

— В пограничные войска меня направили с Урала по комсомольской путевке, — начал свой рассказ Юрий Гезенко из Барнаула. — С гордостью я прибыл в учебный центр Нарынского погранотряда. Но когда в мае 1977 года попал на заставу, она произвела на меня удручающее впечатление. Городской парень, привыкший к комфорту, увидел деревянные постройки: казарму, питомник, гараж — как из старых фильмов. Начальник заставы посмотрел на меня оценивающе, будто просканировал взглядом, строго произнес пару фраз и направил к старшине, прапорщику Офицерову.

Через пару дней меня назначили в пограннаряд. Вручили оружие, полное снаряжение, отдали приказ на охрану госграницы — все было так волнительно! Затем — два часа дороги, два часа на посту и два — на обратный путь. Было холодно, но осознание того, что я охраняю рубеж страны, придавало энергии и сил! Ночь выдалась звездная, ярко светила луна. Я прислушивался к каждому шороху. Мечтал задержать нарушителя, но, видимо, они устрашились моего боевого настроения. Вернулся с наряда под утро, уставший, замерзший и очень гордый! За два года службы было еще много выходов на границу, но первый наряд, конечно же, запомнился больше всех!

Незабываемые впечатления оставило и знакомство с местной фауной. Как-то во время службы в полуметре надо мной пролетел орел: я услышал свистящий звук, словно от парящего аэроплана, и буквально ощутил два огромных крыла над головой! Увез я на родину и такое необычное воспоминание, — улыбается Юрий Александрович.

В ноябре 1977 года заставка «Кок-Айгыр» получила от руководства Киргизии подарок — там были построены современные здания с центральным отоплением, водонапорная башня. Но бывшие солдаты все так же бережно хранят фотографии старой заставы и свою дружбу с тех времен.

— Хорошо запомнилась последняя ночь перед увольнением в запас, — говорит Юрий

Начальник заставы Касым-Жомарт Кыдышев с семьей, 1976 год

Юрий Гезенко во время службы и после увольнения с дочерью, 1976-й и 2021 год

Застава «Кок-Айгыр», 1974 год

Памятный номер пограничной газеты

Редкие минуты отдыха

Боевые друзья

Застава, в ружье!

Бочка, в которой пограничники возили воду из речки

Новая застава «Кок-Айгыр». 1977 год

Ильдус Галямов, 1977-й и 2021 год

Владимир Томов, 1977-й и 2021 год

Гезенко. — Мы спешно диктовали друг другу домашние адреса, писали пожелания на обложке журнала «Пограничник». И знаете, заставская дружба — самая крепкая. Мы до сих пор созваниваемся, а теперь еще и общаемся в чате «Застава Кок-Айгыр», созданном Владимиром Томовым и Вячеславом Симоновым. Причем в этом чате состоят бойцы, служившие на заставе с 1974-го по 1990 год!

Мы благодарны нашему командиру Касыму-Жомарту Кыдышеву, рядом с которым возмужали, окрепли физически и морально, научились достигать поставленных целей. Два года в пограничных войсках изменили нас в лучшую сторону. Мне часто снится родная застава — службу на границе забыть невозможно!

ПОДАРОК ИМЕНИННИКУ

— На заставу я прибыл в начале сентября 1978 года, — так начал свой рассказ Ильдус Галямов из Челябинска. — Дорога из отряда заняла часов семь. Осень едва наступила, но в горах было прохладно.

Перед отъездом меня предупредили: «Служба на «Кок-Айгыр» сложная. Начальник строгий, даже жесткий. На легкую службу не рассчитывай». Но я был рад попасть на заставу, иначе какой же я пограничник?!

Начальник заставы старший лейтенант Кыдышев, невысокого роста, подтянутый, со своеобразным чувством юмора, действительно, был строг и требователен, но бойцы его уважали. В нашем коллективе сложились теплые, доверительные взаимоотношения.

Помню свой первый заставский день рождения. На боевом расчете меня поздравили с 19-летием и объявили выходной. Затем мы, как обычно, пошли на ужин. Каково же было мое удивление, когда я увидел щедро накрытый стол, а в центре — торт, который испекла супруга начальника заставы! Позже я узнал, что традиция поздравлять именинников здесь соблюдается неукоснительно и каждого виновника торжества ждет праздничный дастархан.

Запомнился мне и сынишка начальника заставы — трехлетний Ербол. Каждый раз, увидев малыша, я понимал, что мы защищаем и его, и еще множество таких, как он!

МИНУТА СЛАВЫ

— Я служил на заставе с 1977-го по 1979 год, — вспоминает Вячеслав Симонов, ныне проживающий в Германии. — В мае 1978-го меня направили на подготовительные курсы

в Алма-Атинское высшее пограничное командное училище. И за два дня до празднования 60-летия пограничных войск я получил приказ подготовить выступление на митинге.

28 мая на летней площадке в городском Парке культуры и отдыха имени Горького собрались воины границы со всего Советского Союза — и молодые солдаты, и ветераны. С волнением рассказал я о своей службе такой представительной аудитории. А через несколько дней с удивлением увидел текст выступления в передовице газеты «Часовой Родины»! И хотя в училище я не поступил, связал свою судьбу с другой профессией, этот номер газеты храню до сих пор.

ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ

28 мая 2021 года те, кто в молодости служил на заставе «Кок-Айгыр», встретились в Перми. Вспомнили годы, отданные границе, провели символический боевой расчет и поблагодарили своего командира — Касыма-Жомарта Кыдышева за то, что был мудрым наставником для юнцов в зеленых погонах. В память о службе в Нарынском погранотряде Владимир Томов сочинил песню и сделал к ней клип со старыми фотографиями заставы «Кок-Айгыр». Участники мероприятия приняли такой подарок с нескрываемым восторгом!

— Были рады повидать сослуживцев! Армейская дружба — самая верная. В 2018 году мы посетили Нарынский погранотряд и встретили в Кыргызстане самый теплый прием, — поделился Николай Молокотин. — Надеемся на новые встречи!

Время неумолимо. Некогда строгий начальник заставы старший лейтенант Касым-Жомарт Кыдышев сегодня седовласый ветеран. Его сын Ербол, который тоже выбрал профессию пограничника, — подполковник запаса. Когда-то озорные молодые солдаты уже воспитывают внуков. Но все они верны прежней дружбе — граница не отпускает. **ВГ**

ВЕРНЫ ПРОФЕССИИ ОТЧИЗНУ ЗАЩИЩАТЬ

Девиз пограничников — «Ни шагу назад!». Потому что на этот шаг в случае наступления противника сократится территория страны. Так говорит на уроках мужества школьникам подполковник запаса Михаил ШМАГРИН. Ребята внимательно слушают — интересно, ведь сам он посвятил пограничной службе не один десяток лет. Почему? Шмагрины по-другому не могут — вот уже более века представители разных поколений этой семьи бдительно оберегают рубежи Отечества.

Уроки на военно-патриотические темы проводятся в Серковской основной общеобразовательной средней школе имени В. А. Снегирева регулярно с 2014 года. И не случайно! Это учебное заведение является преемником школы, где в свое время учился Михаил Шмагрин, герой советско-финляндской войны (1939—1940).

Он родился 29 сентября 1908 года в деревне Ляпуново Городецкой волости Нижегородской губернии. После школы трудился на строительстве Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината. В 1930-м, будучи призванным в Красную армию, начал службу на северо-западной границе. Через год рядовой Шмагрин был направлен в школу младшего начальствующего состава, которую окончил с отличием.

После срочной службы Михаил Трифонович решил остаться в погранвойсках и в ноябре 1932 года был зачислен в Третью школу пограничной охраны и войск ОГПУ. За отличную учебу и безупречную дисциплину Шмагрин даже наградили джемпером. В 1934-м он командовал взводом, а в 1936-м в Карелии получил первое офицерское звание. К тому времени Михаил Трифонович был уже семейным, и его супруга София Андреевна (в девичестве Никонова, кстати, работавшая счетоводом на заводе «Красное Сормово») носила под сердцем малыша, при рождении нареченного Юрием. Он родился в 1936 году.

В ноябре 1938-го старший лейтенант Шмагрин был назначен начальником 1-й заставы 1-го Калевальского погранотряда НКВД Карельского округа.

Отношения между СССР и Финляндией тем временем стремительно накалялись. Уже следующей осенью провокации на северо-западной границе стали будничным явлением. Началась война. Но Шмагриным тот период подарил несколько месяцев счастья — в семье родилась дочурка Валентина.

Около двух часов ночи 27 декабря 1939 года старший лейтенант Шмагрин получил приказ выслать к границе дополнительный наряд — стало известно, что в тылу действует диверсионная группа противника. Несколько десятков во-

Старший лейтенант Михаил Шмагрин с женой и сыном Юрием

Династия пограничников Шмагриных и их боевые подруги

Гимн династии Шмагриных

Российская история богата
Делами удивительных людей,
Но служба офицера и солдата —
Для нас нет цели выше и важней!

Менялись и название страны,
И взгляды на науку побеждать,
А мы — все Шмагрины — верны
Профессии Отчизну защищать.

Припев:
Нам не надо судьбы иной,
И мы этим будем гордиться,
Девиз у Шмагриных простой:
«Жизнь — это служба, это граница!»

Зеленую фуражку бережем,
Она для нас и честь, и слава!
Отечества границу стережем,
Наш флаг — именная заставка!

Династии уж более ста лет,
И мы — все Шмагрины — похожи:
Служить России дали мы обет,
Мы по-другому жить не можем!

Припев.

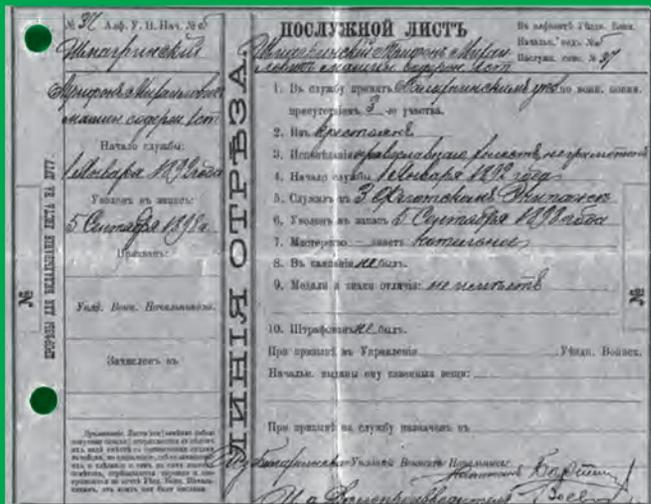

оруженных автоматами и пулеметами финнов в тот момент были отрезаны от границы и пытались пробраться на свою территорию.

Михаил Трифонович сам возглавил поисковую группу. Пограничники настигли врага в 9 километрах от заставы, близ озера Касли-Ярви. Завязалась перестрелка. Вызвать помощь сигнальной ракетой группе Шмагрина не удалось, и раненый боец Иван Попков был отправлен на заставу с донесением.

Противник вынудил пограничников занять крайне невыгодную позицию: позади — склон, впереди — открытое пространство огромного замерзшего озера. Шквальный огонь не позволял им поднять головы. Граната Михаила Шмагрина заставила замолчать самый меткий финский автомат, но сам он при этом получил смертельное ранение. В бою погибли также командир отделения Константин Иглин и стрелок Иван Бирюков. И все же горстке пограничников удалось задержать врага до прибытия резерва отряда.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1940 года старший лейтенант Михаил Шмагрин был награжден орденом Красного Знамени (посмертно), а заставе, где служил отважный пограничник, присвоено его имя.

Трифон Михайлович Шмагринский

Михаил Трифонович Шмагрин

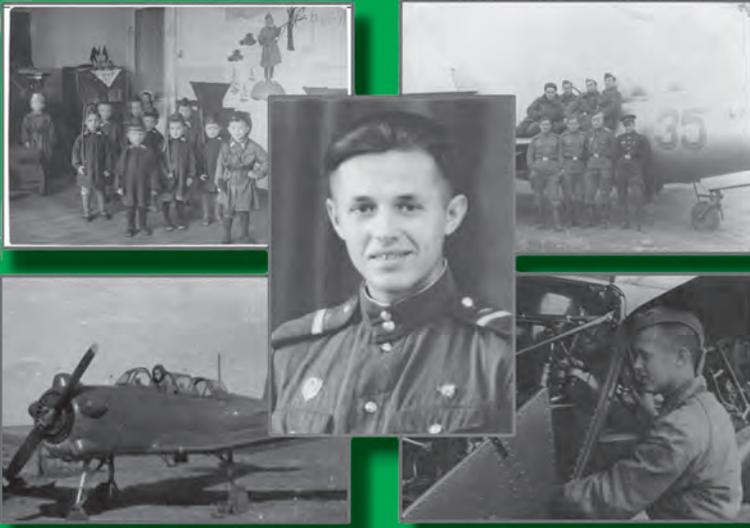

Диорама подвига

К слову, племянник Михаила Трифоновича Василий Глазунов также стал пограничником. На его долю выпали нелегкие испытания огненных 1940-х годов. Участник Великой Отечественной войны, он шел в бой с фотографией дяди, вырезанной из журнала, в кармане. В 1942 году Глазунов был тяжело ранен. Медики, которые боролись за его жизнь, фотографию героя сохранили и вместе с другими личными вещами вернули бойцу, когда тот пошел на поправку.

Об этом и многом другом написал внук Михаила Шмагрина, которого назвали в честь знаменитого деда, в своей книге «Пограничная династия нижегородцев», опубликованной в 2006 году. С большим удовольствием Михаил Юрьевич рассказывает и о том, кто стал основателем этой династии.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота хранится послужной лист машинного содержателя 1-й статьи Трифона Шмагринского. Родился он в 1870 году в крестьянской семье. В юности работал на землечерпалке машинистом. На воинскую службу был принят в Балахнинском уездном при-

Юрий Михайлович Шмагрин

Михаил Юрьевич Шмагрин

На карельской заставе, которой он командовал, впитывал свои первые детские впечатления и Юрий Шмагрин, сын героя. С 1955-го по 1958 год он охранял воздушную границу СССР. Срочную службу завершил старшим стрелком и по состоянию здоровья в звании ефрейтора вышел в отставку. Но во благо Отечества трудился несколько последующих десятилетий — строил подводные лодки на заводе «Красное Сормово».

На подвиге отца и его сослуживцев Юрий Михайлович воспитывал и своего сына. И Михаил Юрьевич не просто продолжил пограничную династию, а сделал все возможное для того, чтобы ее история стала одним из важнейших элементов военно-патриотического воспитания в современной России.

Не помышляя об иной судьбе, в 1980 году он окончил Ленинградское суворовское военное училище, в 1984-м — Высшее пограничное военно-политическое училище КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова. До 1989 года с честью служил на заставе, которой когда-то командовал его дед.

— Впервые я побывал там в 1977 году, — рассказывает Михаил Юрьевич. — Это был подарок родителей мне, новоиспеченному комсомольцу. Вместе с пограничниками я прошел полосу препятствий и понял, что к службе-то не совсем готов... Поэтому по возвращении тут же записался в секции легкой атлетики и пулевой стрельбы.

В 1994 году Михаил Шмагрин окончил Гуманитарную академию Вооруженных сил Российской Федерации. Принимал участие в боевых действиях на таджикско-афганской границе. Все 39 календарных лет пограничной службы он занимался воспитанием личного состава и работал с ветеранами. О том, каким было то время,

существовали 2 ноября 1891 года. В 1892-м корабль «Снег», на котором он охранял побережье Балтийского моря, официально перевели в класс «канонерская лодка береговой охраны». Именно эту дату Шмагрины считают началом истории династии.

Фамилию свою, к слову, они получили почти случайно. Семья у Трифона Михайловича была большая — супруга Мария Ивановна подарила ему четырех сыновей и двух дочерей. Старшие дети, Фёдор и Николай, унаследовали фамилию отца. А вот Константин, Михаил, Нина и Ольга по недосмотру при рождении были записаны как Шмагрины. Ошибка обнаружилась при поступлении их в школу, но исправлять ее не стали.

Трифон Михайлович оставил службу 1 января 1899 года. С 1917 года он жил в деревне Ляпуново. Офицером по причине классовой принадлежности ему стать не удалось. Но, воспитанный на восторженных рассказах об охране границы, мечту отца исполнил его младший сын — Михаил, которому довелось оставить заметный след в истории пограничных войск.

красноречиво свидетельствуют медали «За отличие в охране государственной границы СССР», «За отличие в военной службе», нагрудные знаки «За службу в Таджикистане», «Отличник пограничных войск» и многие другие, а также то, что звание подполковника Михаил Шмагрин получил досрочно.

После увольнения он погрузился в общественную работу военно-патриотической направленности. Ее подробности обсуждались, в частности, с народным артистом России Василием Лановым в октябре 2005 года. Та встреча у Вечного огня в Нижегородском кремле стала для представителей династии настоящим источником вдохновения. Были разработаны фамильный знак и девиз Шмагриных «Жизнь — это служба, это граница!», также Михаил Юрьевич написал песню, которая теперь является семейным гимном.

К слову, его поэтический талант унаследовал сын, в 2000 году ставший лауреатом Нижегородского фестиваля пограничной бардовской песни. Он, конечно, тоже пограничник и в свое время по традиции с честью отслужил положенные два года на российско-финляндском рубеже.

Места боевой славы Михаила Шмагина-старшего семья не забывает. Ежегодно представители династии выезжают в Пограничное управление ФСБ России по Республике Карелия. В его состав сегодня входит отделение — преемник советской заставы имени М. Т. Шмагина. Пограничники этих гостей хорошо знают и принимают их тепло. Для них Михаил Юрьевич проводит уроки мужества, рассказывая о династии.

Изучение ее истории он считает своим патриотическим долгом, ведь именно такие примеры питают в молодежи любовь к Родине. На сегодняшний день в результате 10-летней поисковой работы удалось воссоздать генеалогическое древо Шмагриных начиная с 1650 года. Это 13 поколений!

В целях увековечения памяти героя советско-финляндской войны Михаила Шмагина ветеран спецслужб в отставке Николай Кульдяпов написал книгу «Застава Шмагина». Кстати, имя этого автора как виртуоза русской словесности внесено в «Книгу рекордов России».

Там, где Михаил Трифонович и его подчиненные приняли свой последний бой, установлен гранитный обелиск с их именами.

В рамках проекта «Память в сердце, память на века: региональный военно-патриотический проект», реализованного при

«Парта героя» в Серковской школе

Волейбольный турнир имени М. Т. Шмагина в Городце

Памятная табличка на месте боя наряда М. Т. Шмагина

поддержке Фонда президентских грантов (2020—2021), НОООВ «Нижегородский пограничник», членом которой является династия Шмагриных, создан историко-документальный фильм «Герой-пограничник старший лейтенант Шмагрин Михаил Трифонович». На безвозмездной основе он был разослан для работы в учебные заведения и подразделения пограничных органов.

Подрастающее поколение воспитывается на лучших примерах

Презентация генеалогического древа Шмагриных

Юрий Михайлович и Михаил Юрьевич Шмагрины за работой

Организовано взаимодействие представителей династии с Центральным пограничным музеем ФСБ России, музеями военной истории в Санкт-Петербурге, Гордце и Тольятти, музеем завода «Красное Сормово». Михаил Юрьевич вместе с супругой Еленой Алексеевной с удовольствием участвуют в различных мероприятиях этих учреждений, проводят интереснейшие экскурсии. Ведь история их семьи — это часть истории границы. Именно

поэтому, например, в 2020 году Михаил Юрьевич принял самое активное участие в организованных ЦПМ ФСБ России съемках фильма «На той войне незначимой», посвященного «зимнему противостоянию» СССР и Финляндии (1939–1940).

Немало времени и сил Шмагрины уделяют военно-патриотическому воспитанию сегодняшних школьников и курсантов-пограничников. Они шефствуют над школой в деревне Серково, где установлена символическая парта героя-пограничника Шмагина, и пионерским отрядом его имени, часто выезжают в другие учебные заведения. Так, весной 2021 года подполковник запаса Шмагрин принял участие в военно-патриотических мероприятиях, посвященных подвигу его деда, которые проходили в Голицынском и Московском пограничных институтах ФСБ России, столичной кадетской школе № 1784 имени В. А. Матросова.

В Городецком районе, на родине нескольких поколений пограничной династии, в честь старшего лейтенанта Шмагина регулярно проводятся смотры строя и песни, конкурсы творческих работ и спортивные соревнования. Победители таких состязаний помимо призов и грамот всегда получают памятные сувениры с символикой знаменитой фамилии. А в ФОК «Александр Невский» хранится переходящий «Кубок Шмагина». Список ребят, которые в тяжелой борьбе на волейбольной площадке завоевали право обладания им, ежегодно растет.

Стоит отметить, что работа династии не прекращается и в домашней обстановке. Так, в канун Нового, 2021 года в квартире Юрия Шмагина собрался семейный совет, на котором были подведены итоги уходящего «отчетного периода». Ими можно гордиться! В сложнейших условиях пандемии Шмагрины завершили создание генеалогического древа и фильма, приняли участие в акциях «Бессмертный полк», «Свеча Памяти» и «Соединяя поколения», а также начали реализацию проекта «Родные (родные родных) героя-пограничника старшего лейтенанта М. Т. Шмагина, служившие в пограничных войсках и органах государственной безопасности». А потом по традиции пришел Дед Мороз — разумеется, пограничник.

Есть у династии и собственный домашний музей, где хранятся архивные документы, фотографии, памятные подарки и даже фрагмент пограничного знака СССР! Видимо, и впрямь рождаются Шмагрины в зеленых фуражках!

**По материалам НОООВ
«Нижегородский пограничник»**

ОКПС:

У ИСТОКОВ РАЗВЕДКИ

Еще при Иване III (1440–1505) для борьбы с иностранным шпионажем и контрабандой порубежные воеводы в России по указанию Разрядного приказа должны были проводить контрразведывательные мероприятия. Они могли арестовывать подозреваемых в шпионаже и контрабанде и имели право ведения следствия по их делам. К участию в контрразведывательной работе широко привлекалось население, важное значение придавалось так называемым изветам – сообщениям от местных жителей. Но окончательное оформление разведывательная служба получила лишь после создания Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС).

ДНЕМ – ГЛАЗОМ, НОЧЬЮ – УХОМ

С образованием в 1893 году ОКПС задачи, определенные стражам государственных рубежей того времени, были уточнены и формулировались следующим образом: «...пре-секать тайный провоз товаров по сухопутной и морской границе европейской России, Закавказья, на границе с Финляндией, в Закавказской области и на правом берегу рек Пянджа и Амударьи, а также осуществлять надзор на границе». Корпус взял под охрану более 14 тысяч порубежных верст, остальные охранялись казачьими войсками, частями Военного ведомства и иными специальными формированиями.

Штабы пограничных округов дислоцировались в Санкт-Петербурге, Вильно, Варшаве, Бердичеве (с 1903 года – в Киеве), Одессе, Тифлисе, Ташкенте и Харбине. В состав округов входили 31 бригада и 2 особых отдела – Беломорский и Керченский. Численность личного состава бригад пограничной стражи зависела от протяженности, оперативной значимости охраняемого участка и составляла от 2 до 5 отделов. Отделы включали от 3 до 7 отрядов, которые, в свою очередь, объединяли по 3–5 постов.

Служба по охране границы осуществлялась корпусом в форме пограничного надзора. Согласно главе IV «Общий вид службы по пограничному надзору» «Инструкции службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912), она подразделялась на разведывательную и сторожевую, причем отмечалось, что «разведывательная служба имеет особенно важное и руководящее значение».

На рубеже XIX и XX веков нарушителями границы признавались:

- контрабандисты;
- лица, тайно переходившие границу мимо таможенных учреждений, даже если при них и не было контрабанды (шпионы, диверсанты, политические преступники и другие лица, представлявшие угрозу безопасности империи);
- «выходцы» (люди, решившие незаконным путем оставить Отечество или поселиться в других государствах).

Посредством сторожевой службы нарушители границы и контрабанда задерживались, как правило, случайно, когда контрабандисты «наткнулись» на хорошо замаскированный наряд или предпринимали попытку открытого вооруженного прорыва. Контрабандный промысел носил скрытый характер с использованием различного рода ухищрений, следовательно, получить достоверную информацию о планах контрабандистов можно было только при хорошо поставленной агентурной работе, через широкую сеть агентов-доносителей. Это и предопределило ведущую роль в охране границы разведывательной службы: оперативные данные позволяли расположить силы и средства на направлении вероятного

Согласно документам, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве, в феврале 1908 года штаб-офицер для поручений при начальнике III пограничного округа, занимавшийся организацией работы с агентурой по борьбе с контрабандой, командировал в Пруссию штаб-ротмистра В.Ц. Глебовича. Последний под видом представителя торговой фирмы вступал в контакты с интересующими его лицами и добывал необходимую информацию.

движения контрабанды, что было актуально для малочисленных постов ОКПС. Даже небольшое количество задержаний с использованием таких данных давало значительный объем изъятых из незаконного оборота товаров и, соответственно, существенный экономический эффект от реализации конфиската. Необходимо, однако, подчеркнуть, что реализовать полученные данные без опоры на войсковую составляющую было невозможно.

Разведывательная служба осуществлялась всеми видами нарядов без исключения: «днем — глазом, ночью — ухом», включая опросы местных жителей. Назначенному для охраны границы наряду следовало «внимание обращать решительно на все, что делается на наблюдаемой местности:

- на каком поле какая работа производится;
- сколько работающих, повозок, лошадей задействовано;
- кто, в каком направлении шел и т.д.;
- на все возможно подозрительное (несвоевременное или необычное сборище крестьян в каком-нибудь пункте местности, необычная работа в поле, передвижение крестьян без инструмента, следы от подвод и пешеходов). Наблюдение вести далеко, насколько хватает зрения».

Обо всем замеченном наряды докладывали начальнику поста, который в свою очередь обязан был перепроверить данные лично и сделать выводы о том, где под прикрытием сельскохозяйственных работ возможно водворение контрабанды. К данным обстановки, по которым следовал немедленный доклад начальнику отряда, относились: беспорядки среди населения по обеим сторонам границы, скопление вблизи границы большого количества людей, обнаружение следов прорыва в тыл или в сторону сопредельного государства.

Офицеры ОКПС из числа успешно зарекомендовавших себя в разведке могли собирать оперативные данные, выезжая за границу. Регламентировала такие выезды «Инструкция по разведке в пограничных иностранных государствах». Офицеры ОКПС по заграничному паспорту, используя легенду торговца или отдыхающего, выполняли «личную разведывательную поездку». Самостоятельно или через «закордонную агентуру» они собирали информацию о путях сообщения, телеграфной и телефонной сети, удобных местах для переправы через пограничные реки, об органах, осуществляющих охрану границы со стороны сопредельных государств, а по возможности — и о расположении военных гарнизонов, складах оружия и боеприпасов, интендантских складах.

В ИНТЕРЕСАХ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА

Специфика условий службы и работа на «заграничной стороне» позволяли чинам пограничной стражи собирать определенные сведения и в интересах Военного министерства. Циркуляр по войскам корпуса от 7 марта 1900 года за № 56

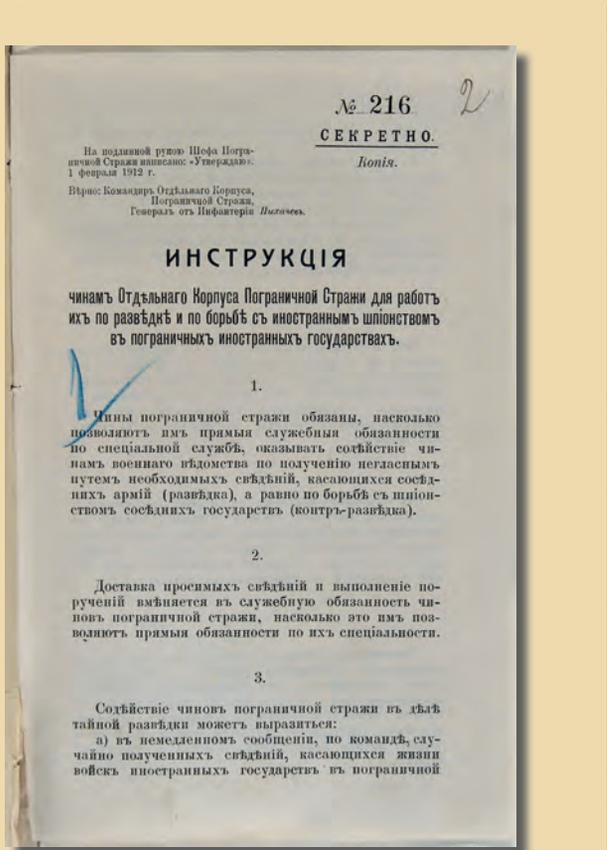
«О возможном содействии чинам и учреждениям военного ведомства в деле производства тайной военной разведки» предписывал «офицерам при условии, что это не будет влиять на основное предназначение — службу по пограничному надзору, собирать данные в отношении местности, расположения войск, укреплений, складов, учреждений, имеющих значение в военном отношении. Полученные данные после тщательной проверки штабами бригад передавать в штабы округов, последними представлять в штабы соответствующих военных округов. А особо важные сведения передавать непосредственно главному штабу».

Высокие профессиональные качества чинов ОКПС по ведению войсковой разведки неоднократно отмечались командованием Военного ведомства, в том числе в докладах по Главному штабу: «Чины пограничной стражи не упускают случая облегчить военному ведомству добытие негласных сведений обо всем замеченном за границей: передвижении войск, новых железнодорожных и военных сооружений. Кроме того, благодаря частым сношениям с окрестными жителями имеют место случаи обращения к чинам пограничной стражи дезертиров,

Для особых случаев офицеры пограничной стражи имели специальный медальон, отлитый из меди по распоряжению министра финансов России в количестве нескольких десятков и переданный в бригады пограничной стражи для выдачи (при соблюдении высочайшей секретности) офицерам и чиновникам стражи, убывавшим на задание за границу. Медальон служил для них своеобразным паролем, охранной грамотой в случае задержания их на границе нарядами пограничной стражи России при возвращении в пределы империи.

Этот артефакт обнаружил в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) кандидат исторических наук Константин Маслов.

имеющих подлинные чертежи фортов с указанием их вооружения». Армейское командование очень ценило такие данные, отличавшиеся полнотой и достоверностью.

Однако имели место случаи, когда офицерам пограничной стражи навязывались задачи по ведению войсковой разведки. Так, например, командующий Варшавским военным округом генерал-адъютант И. Н. Чертков в докладе № 1459 от 25 октября 1901 года военному министру А. Н. Куропаткину сетовал: «Деятельность офицеров пограничной стражи по сбору информации для военного ведомства воспринимается в целом как уклонение от прямых обязанностей. Имею честь просить ходатайства Вашего высокопревосходительства о том, чтобы для пользы интересов обороны страны офицеры пограничной стражи были бы обязаны наравне с прочими обязанностями заниматься разведкой в ближайшей к границе полосе в интересах армии. Правильная постановка этого дела может быть достигнута в том случае, если начальствующие лица ОКПС будут проникнуты убеждением, что подобная деятельность должна составлять одно из существенных, обязательных занятий». Военный министр в письме от 17 ноября 1901 года за № 450 обратился к шефу ОКПС С. Ю. Витте с просьбой «разрешить сношение офицерам бригад ОКПС с офицерами разведки армии по передаче информации о ближайшей к границе полосе. И заниматься этим, в мере возможного, наравне с прочими обязанностями».

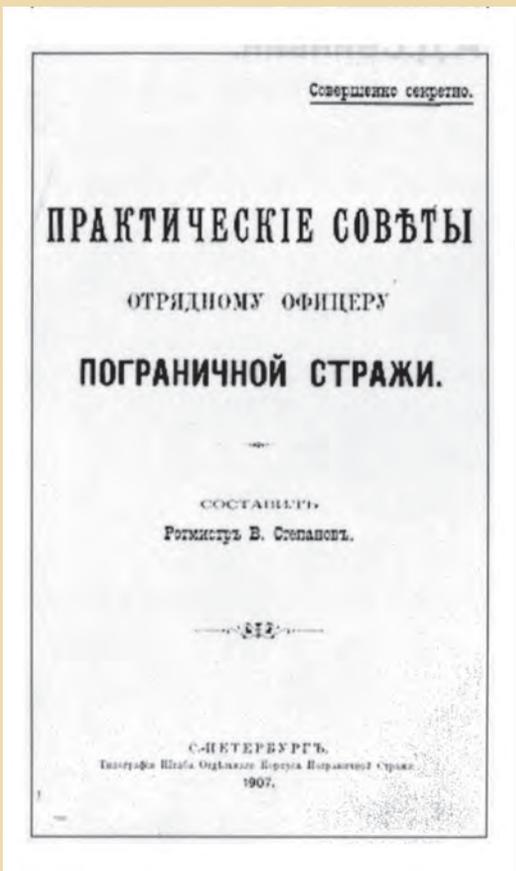
Зная, что передача такой информации уже организована, и учитывая крайнюю загруженность офицеров ОКПС обязанностями по пограничному надзору, С. Ю. Витте отвечал, что «обязать офицеров заниматься разведкой наравне с прочими служебными обязанностями не представляется возможным. Военная разведка может осуществляться только попутно, донося данные по команде через начальников округов».

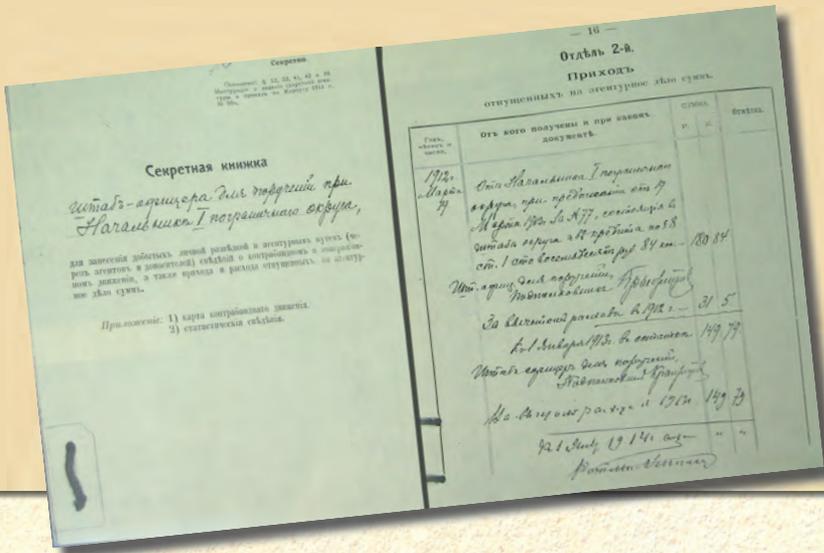
О ПОЛЬЗЕ ТАЙНЫХ СВИДАНІЙ

Следует иметь в виду, что роль специальных (скрытых) способов действий ОКПС в решении служебных задач постоянно возрастала, потому что противоправная деятельность на государственной границе носила глубоко законспирированный характер и предотвратить ее только войсковыми способами действий было крайне сложно. А получить достоверную информацию о планах противника можно было лишь при условии хорошо организованной агентурной работы через широкую сеть доносителей.

Ведение агентурной работы в ОКПС входило в обязанности должностных лиц. Разведывательной службой занимался весь командный и начальствующий состав корпуса — от начальника округа до помощника командира поста. Начальник округа следил за разведкой и организацией агентурного дела и командировал чинов стражи для сбора дополнительных сведений. В самом же округе за постановку конкретной работы с агентурой отвечал штаб-офицер для поручений при начальнике округа. Руководил разведкой командир бригады. А непосредственно ее вели командиры отделов, отрядов, старшие вахмистры и помощники начальников постов.

В Заамурском пограничном округе, штаб которого находился в Харбине, разведывательной службой занимались офицеры, снабженные соответствующими инструкциями и материалами для изучения сопредельных стран. Кроме того, все начальники разъездов даже из солдат, непрерывно

В «Секретной книжке штаб-офицера для поручений при начальнике I пограничного округа», хранящейся в Центральном пограничном музее ФСБ России, на странице 16 дан приход отпущенных на агентурное дело сумм. Согласно записи, 19 марта 1912 года было получено от начальника округа 180,84 рубля. Из них в том же году расходы составили 31,05 рубля. Оставшаяся сумма в 149,79 рубля была израсходована в 1913 году.

объезжавших в целях охраны прилегающую к железной дороге 25-верстную полосу, должны были предоставлять как непосредственному начальнику, так и в отчетное отделение штаба округа рапорта о виденном и услышанном. В Мукдене и Куанченцзы были созданы небольшие разведывательные бюро под руководством офицеров, которые зарекомендовали себя способными к ведению разведки, любили это дело и знали китайский и японский языки.

Организацию агентурной и войсковой разведки регламентировали секретные приказы и циркуляры по войскам. В одном из первых таких документов 1894 года отмечалось: «Безуспешность действия чинов в преследовании контрабанды объясняется, между прочим, неимением в отрядах хороших доносчиков и неумением отличать правильные доносы от доносов, делаемых для отвода глаз». Поэтому командование ОКПС уделяло значительное внимание обучению офицеров работе с агентами. При штабах бригад проводились занятия, разрабатывались специальные указания и инструкции.

Документы по ведению агентурной работы предписывали иметь верных доносителей и за нужные сведения «часто по договору» расплачиваться с ними. Офицеры должны были разбираться в психологических особенностях доносителей и непременно выяснить причины, побудившие их к сотрудничеству.

Кроме того, надежных агентов следовало беречь. Так, «Практические советы отрядному офицеру пограничной стражи», подготовленные ротмистром В. С. Степановым, рекомендовали: «Скрывайте в тайне от рядовых пограничников имена доносителей, ибо один солдат по своей глупости выдаст доносителя, другой — по злобе, третий — начнет приставать к доносителю и пугать его, требуя денег. Имейте в виду, если контрабандисты узнают вашего доносителя, то ему уже несдобровать: ему мстят страшно, его сжигают, его бьют, убивают. Назначайте свидание в условленно скрытом месте, по возможности ночью, но отнюдь не на кордоне или у себя в квартире, или у него на дому. Ваше свидание с ним должно быть для всех тайной». Командиру отряда следовало знать имена, фамилии и местные клички каждого контрабандиста, действующего в охраняемом районе, и в первую очередь главаря. Личное знакомство с такими людьми следовало заводить под предлогом закупки фуража или продуктов, постаравшись произвести «доброе впечатление».

Согласно своим обязанностям, командир корпуса производил осмотры округов, где обращал внимание на ведение разведывательных действий по предотвращению водворения контрабанды и организации разведки агентурным путем. По

результатам выездов на границу издавались приказы по ОКПС. Так, в приказе по войскам ОКПС № 99 от 20 июля 1912 года по результатам проверки 30-й пограничной Закаспийской бригады VII пограничного округа командир ОКПС генерал от инфантерии Н. А. Пыхачёв отмечал, что для преследования крупной контрабанды «чинами Красноводского отряда под руководством Юденича ведутся дальние тыловые разведки. При вышеупомянутых условиях охраны границы такие разъезды одобряю. Требую вести их и чинами Чикишлярского отряда, и не только с целью преследования (задержания) контрабанды, но и для освещения тыла и изучения путей».

В приказе также давались рекомендации. Например, такие: «Караван верблюдов по свойству местности в тылу границы должен на большом расстоянии и долгое время идти определенной дорогой от колодца к колодцу по совершенно открытой безлюдной степи, а так как у колодцев всегда встречаются кочующие туркмены-пастухи, то о том, что везет караван, сейчас же становится известным степным обывателям, отличающимся необыкновенным любопытством и болтливостью. Это обстоятельство необходимо в должной мере использовать. Необходимо организовать разведку агентурным путем и освещение тыла дальними разъездами, что даст возможность всю прорвавшуюся контрабанду задержать... К сожалению, до настоящего времени подобного освещения, за весьма редкими исключениями, по причинам неподготовленности к таким разъездам офицеров, не делается».

В общем виде агентурная работа заключалась в следующем: офицеры и унтер-офицеры ОКПС в ходе непосредственных разъездов по населенным пунктам района расположения своих частей самостоятельно, опираясь на уже имеющиеся знакомства с местными жителями, в личной беседе склоняли местных жителей к сотрудничеству, обещая хорошее вознаграждение.

Штаб-офицеры при начальнике округа, офицеры, заведовавшие секретной агентурой в штабах бригад, все командиры отделов, отрядов и крейсеров, а в Заамурском округе — один из офицеров штаба и один из офицеров каждой сотни, откомандированных в Забайкалье, Приморскую область или Южно-Уссурийский край, вели «Секретную книжку штаб-офицера для поручений». Она была предназначена для занесения сведений о контрабанде и эмиграционном движении, а также о приходах и расходах на ведение агентурной работы. Книжка имела несколько разделов:

- приходы и расходы, аванс, выдаваемый на агентурное дело;

- список контрабандистов и проводников-эмигрантов с указанием имени, фамилии (прозвища), точного адреса, какую преимущественно носит контрабанду, откуда, кому передает, за чей счет работает или же на свой риск;

- краткое описание отряда (отдела и др.) и результаты личной разведки и полученных от агентуры сведений.

Циркуляр № 1 от 12 марта 1908 года за подписью командира корпуса Н. А. Пыхачёва вменил в обязанность всем офицерам «кроме занесения в секретную книжку добытых сведений делать соответствующие отметки на карте и о путях движения контрабанды и о складах ее, как на заграничной, так и на нашей стороне».

При явке на пост доносителю, если он не скрывал своего имени, предлагалось указать точное место, где спрятана контрабанда, в специальной книге и подписаться.

Командир корпуса постоянно обращал внимание командиров бригад и особых отделов «на ту пользу, которую, несомненно, приносят в деле охраны границы хорошие лазутчики». Он предлагал офицерам усилить работу по налаживанию агентуры, потому что затраченные «на приобретение хороших благонадежных доносителей труды и даже денежные средства никогда не пропадут даром и при достаточной энергии всегда вознаграждаются с избытком».

Кроме того, в бригадах велись списки жителей приграничья, признанных неблагонадежными и лишенных права на получение документов для поездок за границу. К категории «неблагонадежных» относились и представители из числа личного состава ОКПС — прежде всего, не выполняющие требования присяги. Считалось также, что наличие у чинов корпуса в приграничных районах родственников провоцирует их вовлечение в противоправную деятельность по контрабандному промыслу. К слову, по-

Вручение денежного вознаграждения за донос

пытки такого вовлечения не были редкостью, они тоже выявлялись посредством агентуры.

Так, 21 мая 1908 года, по информации агента, стало известно, что прорывы контрабандистов через границу происходят при помощи таможенного досмотрщика Усовича за вознаграждение. При его содействии их пропускали в районе Адамовского отряда. Усович узнавал, на какой участок и куда именно назначались наряды и сообщал эти сведения Шепанкевичу из деревни Новая Тремба, который и проносил товар из-за границы.

Ротмистр В. С. Степанов в «Практических советах отрядному офицеру...» характеризует неблагонадежных нижних чинов следующим образом: «Пропускатель есть внутренний враг, он изменяет присяге, Государю, доверившему ему участок границы как честному солдату, чтоб он оберегал его интересы, а он, несмотря на присягу, долг службы, продает все святое за деньги. Вот такой-то негодяй и есть настоящий внутренний враг. А мы все честные слуги Царя и Отечества, присягали защищать Царя и Родину от врагов внешних и внутренних. Поэтому мы и должны из всех сил стараться, чтобы поймать внутреннего врага и передать его в руки правосудия, несмотря на то, что он, солдат, наш товарищ. Да какой он наш товарищ? Он изменник, и мы с гордостью вышвырнем его из своей честной дружной семьи, чтобы паршивая овца не заражала всего стада».

КРЕДИТ НА ДОНΟΣ

Активная, хорошо законспирированная деятельность контрабандных групп, недостатки в организации работы с оперативными источниками, на которые неоднократно указывал в своих приказах командир корпуса, требовали создания специальных методических рекомендаций для чинов ОКПС по работе с агентурой. 5 августа 1911 года приказом Шефа пограничной стражи № 109 был утвержден проект секретной «Инструкции чинам ОКПС о ведении служебной агентуры по контрабандному промыслу». Наряду со специальными вопросами, касающимися агентурной работы, документ содержал общие положения разведывательной службы. Например, определял, что секретные агенты — это «лица, обязанные за известное вознаграждение давать те или иные сведения, касающиеся контрабандного промысла». В документе подчеркивалось, что работа с агентурой должна быть поставлена на прочные основания, а не носить случайный характер. Это требование регламентировала и «Инструкция службы чинов ОКПС» (1912), в статье 51 которой говорилось: «Разведывание должно проводиться непрерывно

Контрабандист, задержанный при попытке незаконно провезти через границу чай в ночь на 11 июля 1909 года

и, по возможности, одними и теми же лицами в известных районах, дабы они лучше ознакомились со всей обстановкой дела». В инструкции «О ведении секретной агентуры» большое внимание уделялось порядку отчетности и контролю за расходованием назначенных на агентуру денежных средств.

На ведение агентурной работы в ОКПС правительство выделяло средства, но они были незначительными. Так, расходы по округам в 1912 году были следующими: I — 320,48 рубля, II — 1509,97 рубля, III — 4688 рублей, VII — 223,91 рубля. Калишская и Велюнская бригады (III округ) истратили на доносителей 1700 и 1300 рублей.

Контролировали расходование средств командир корпуса и назначенные для этого офицеры. Например, Н. А. Пыхачёв как-то выразил неудовольствие тем, что деньги, выделенные на агентурную работу, лежат у командира 1-го отдела Таурогенской бригады (II округ) «с 21 апреля без всякого движения», и дал указание немедленно «передать их в те районы, где встречается в них надобность».

Особую важность приобретал вопрос о борьбе с контрабандой. На нее законодательным путем ежегодно выделялось 8000 рублей. Эта сумма предназначалась для награждения чинов погранстражи и прочие издержки.

Осознавая ничтожность ассигнованных средств, пограничное ведомство в течение ряда лет очень слабо расходовало выделяемые суммы, создав тем самым особый фонд, достигший к 1911 году 38 000 рублей. Накопленные денежные ресурсы были направлены на постановку агентуры среди населения в некоторых наиболее важных в смысле движения контрабанды местностях. В результате увеличилось количество задержаний, как товаров, так и их «проносителей». Этот удачный опыт, по мнению ведомства, благотворно отразился на интересах казны. Вместе с тем, признавая необходимым дальнейшее развитие агентурной сети и ее распространение, командование ОКПС поставило в Думе вопрос о повышении ежегодных ассигнований на борьбу с контрабандным промыслом.

Но бюджетная комиссия, которая лишь в 1911 году обнаружила и обнародовала факт накопления «контрабандных денег» в управлении корпуса, заявила, что такой прием противоречит законодательству. Потому что на основании утвержденных императором 22 мая 1862 года правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении госрасписи и финансовых смет право распоряжаться открываемыми по сметам кредитами ограничивалось определенным периодом времени,

по истечении которого кредит уничтожался и оставшиеся неизрасходованные суммы составляли принадлежность государственного казначейства.

Представители пограничного ведомства в Думе неоднократно оправдывали свои действия, заявляя, что расходование данного кредита было поставлено в такие условия, при которых его распорядители на местах избегали пользоваться денежными суммами. В частности, невозможно было получить оправдательные документы — никто из агентов не соглашался расписываться в том, что брал деньги. А накопление средств позволяло поставить агентурную работу на солидную основу, учредить в штате ОКПС особые должности обер-офицеров, заведующих агентурой.

Вопросы, связанные с ведением агентурной разведки, ввиду их первостепенной важности неоднократно рассматривались в Государственном совете и Государственной думе. Так, в марте 1913 года министр финансов и Шеф пограничной стражи В. Н. Коковцов, выступая с докладом «Об организации в ОКПС агентуры для разведки о контрабанде», просил Государственную думу ввести в штат пограничной стражи дополнительно должности 21 обер-офицера, занимающихся агентурой. И выделить для этих целей 12 000 рублей. Дума утвердила это предложение, увеличив финансирование до 20 тысяч рублей. Таким образом, речь уже шла о создании в штабах пограничных бригад службы, занимающейся разведкой профессионально.

После продолжительных дискуссий в январе 1914 года в Думу был внесен проект нового закона «Об организации в ОКПС агентуры для разведки о контрабанде и об отпуске средств на эту надобность». Правда, попав в Комиссию по военным и морским делам, он там и остался.

А на местах начальники округов вынуждены были постоянно напоминать своим подчиненным о необходимости совершенствования работы с доносителями. Так, начальник VI пограничного округа генерал-майор В. Ф. Орлов в одном из своих приказов отметил, что в подразделениях 3-го отдела не развита агентурная деятельность и «такое отношение к одной из важных отраслей пограничного надзора ставится в упрек командиру 3-го отдела и всем офицерам, входящим в состав этого отдела». Указанным лицам настоятельно рекомендовалось «немедленно озаботиться подысканием надежных и полезных агентов и работать не покладая рук в борьбе с контрабандным промыслом». **ВГ**

Продолжение следует

Текст: Андрей МУСАЛОВ

«ПАМИРСКИЕ БАРСЫ»

Новость о том, что в горах Таджикистана, на переднем крае борьбы с исламским радикализмом и контрабандой наркотиков из беспокойного соседнего Афганистана, действует секретный российский спецназ, быстро облетела и мирные кишлаки, и многочисленные отряды боевиков на территории республики. Иван Маркин и его подчиненные, прибывшие в район боевых действий в составе резервной заставы ММГ Московского пограничного отряда, славу легендарного подразделения развенчивать не спешили.

Слева направо: лейтенанты Антон Злобин, Константин Селюк, Андрей Костарев. Калаи-Хумб, декабрь 1994 года

ПРИГЛАШЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ

На старом полароидном снимке — трое офицеров, совсем еще молодые, лейтенанты. Но глаза и выражение лиц такие, что сразу ясно: эти парни и прошли через многое, и повидали всякого. Иван Маркин, глядя на снимок, перечисляет:

— Антон Злобин — выпускник Алма-Атинского пограничного училища 1993-го. Веселый, надежный и дерзкий. Погиб при взрыве фугаса 2 января 1995 года... Андрей Костарев окончил Московское пограничное училище в 1994-м. Спокойный, рассудительный парень. Но едва прибыл в отряд, стал рваться на «боевые». В августе 1996-го погиб при переправе через Пяндж, выполняя разведзадание. Тело Андрея нашли только спустя четыре дня на участке 4-й заставы. Таджики говорят: хороших людей Пяндж не забирает... Константин Селюк тоже «алма-атинец» 1993 года. Решительный, грамотный, всегда уверенный в себе и самокритичный. Неоднократно участвовал в столкновениях с боевиками, проявляя при этом мужество и отвагу. Его не стало уже на «гражданке». Разбился на машине.

Подпись на пожелтевшем обороте снимка гласит: «Застава "Памирские барсы". 1994 год».

Военная судьба из всех возможных жизненных путей — самый непредсказуемый. Кто знает, почему так выходит... Служили несколько офицеров в одном отряде, воевали в далеком от России Таджикистане. По одним и тем же тропам и минным полям ходили под прицелом бандитов, испытывая голод и жажду, замерзая, рискуя подцепить малярию, брюшной тиф и кучу других болезней. Но кто-то вернулся, а кому-то было не суждено.

Иван Маркин никогда не бегал от судьбы. Скорее, наоборот. В 1992 году после окончания Голицынского пограничного училища по распределению он попал в Южно-Курильский пограничный отряд. А уже через полгода, в начале 1993-го, был командирован в Таджикистан. Поначалу офицеров туда отправляли на два месяца, затем — на шесть. Позже срок увеличили до полутора лет. Льгот не было, но пограничники рвались в эту «горячую точку» на внешнем рубеже Содружества, видимо, благодаря особому профессиональному стремлению испытывать себя на прочность там, где реально трудно.

Маркину тоже хотелось сразу попасть на боевой участок, о чем он по прибытии в Московский пограничный отряд сообщил его начальнику полковнику Василию Масюку. Но тот отправил лейтенанта на достаточно спокойную 6-ю заставу. Там граница охранялась «классическим» способом: «система», выезды тревожной группы. Только наряды несли службу в укрупненном составе и с групповым оружием.

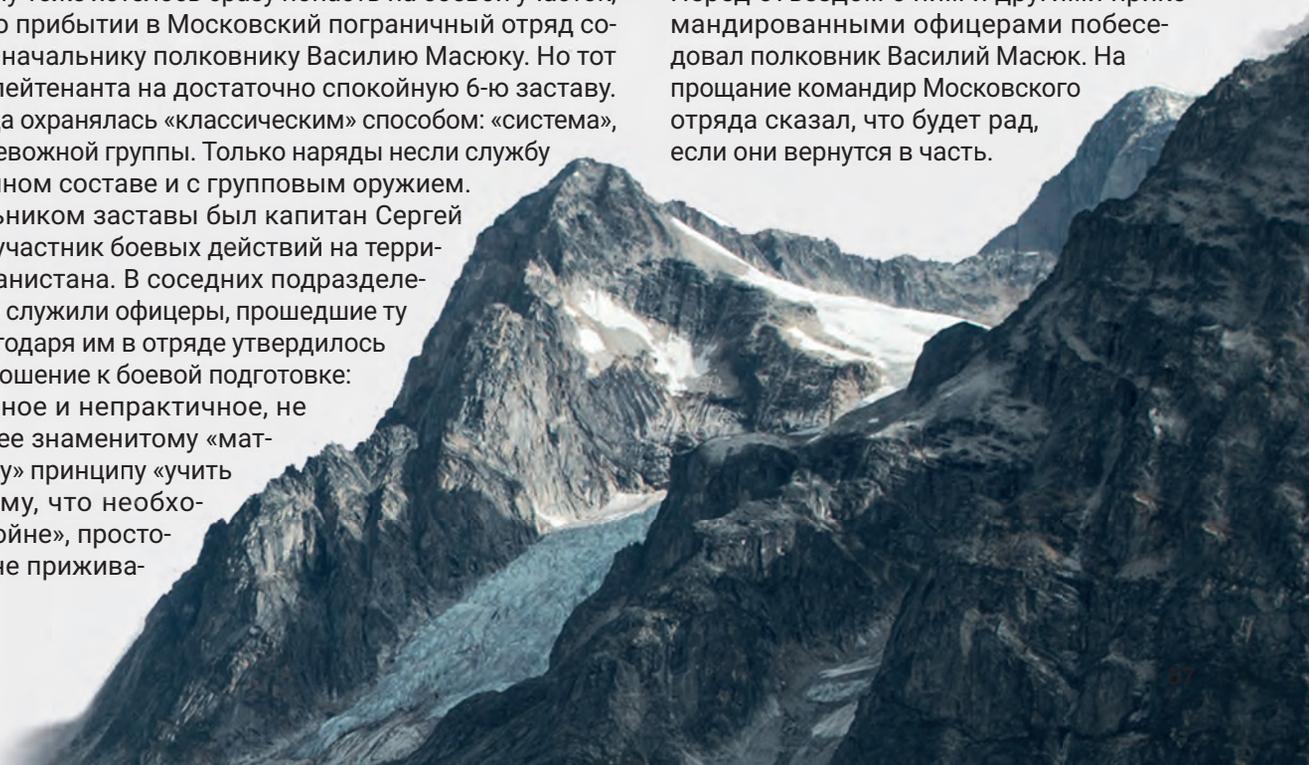
Начальником заставы был капитан Сергей Степичев, участник боевых действий на территории Афганистана. В соседних подразделениях также служили офицеры, прошедшие ту войну. Благодаря им в отряде утвердилось особое отношение к боевой подготовке: все ненужное и непрактичное, не отвечающее знаменитому «матросовскому» принципу «учить войска тому, что необходимо на войне», просто-напросто не приживалось.

От «афганцев» можно было получить множество жизненно необходимых советов: как рационально использовать оружие; как двигаться по дорогам, чтобы избежать подрыва на фугасе; какие сигналы использовать в бою; как применять дымовые гранаты и шашки для прикрытия маневров. Они же учили «молодежь» шить «лифчики» для переноски автоматных магазинов и гранат, изготовлением которых отечественная промышленность и интендантские службы на тот момент не озаботились.

На правом фланге Московского отряда, где находилась 6-я застава, боестолкновений не было. А вот на левом, на участках 15-й и 16-й застав, стычки с боевиками случались. Были там и потери: погибли командир отделения 15-й заставы сержант Филиппов и командир танкового взвода 201-й дивизии лейтенант Оловаренко, проывавшийся в составе бронегруппы на помощь 16-й заставе.

— Многие из нас старались не сообщать близким о том, где мы служим, — говорит Иван Маркин. — Например, мой будущий замполит Сергей Яковлев, находясь в своей первой командировке в Таджикистане, родителей уверял в том, что охраняет границу на Дальнем Востоке, в Сквородинском отряде. До командировки он служил на берегах Амура и из Таджикистана все полгода слал родителям письма через свою дальневосточную заставу «Перемыкино». Для этого Сергей вкладывал письмо в два конверта: на родину оно шло через сослуживца в Сквородинском отряде. Так Яковлев оберегал родителей от волнений.

В мае 1993 года срок пребывания Маркина в Таджикистане подошел к концу. Перед отъездом с ним и другими прикомандированными офицерами побеседовал полковник Василий Масюк. На прощание командир Московского отряда сказал, что будет рад, если они вернуться в часть.

Офицерский состав «Памирских барсов». Сентябрь 1994 года

Для Ивана, только-только начинавшего службу, эти слова прозвучали как приглашение, от которого не отказываются. Поэтому, едва ступив на курильскую землю, Маркин подал рапорт о направлении его в новую командировку в Таджикистан. И в марте 1994-го убыл в хорошо знакомый ему Московский погранотряд уже на полтора года. Он вновь изъявил желание служить в боевом подразделении и вскоре был назначен начальником заставы 1-й мотоманевренной группы, которая дислоцировалась в районе поселка Пархар.

КУРС НА ПАМИР

Мангруппа находилась на стадии формирования. Ее основной боевой машиной была повидавшая в свое время немало пыльных афганских дорог БМП-2. Позже эту машину передали во 2-ю мангруппу левого фланга отряда, где происходили боестолкновения. Взамен получили такие же старенькие БТР-70.

Подразделения 1-й мангруппы были разбросаны по различным участкам границы. Периодически часть личного состава командировалась на

левый фланг. В апреле 1994 года подразделение Маркина отправили на участок 2-й заставы. Заместитель ее начальника лейтенант Антон Злобин стал другом Ивана Анатольевича.

— Личный состав моего подразделения жил непосредственно в опорном пункте, а меня и моих замов офицеры заставы гостеприимно пригласили разместиться в своей комнате, — вспоминает Иван Маркин. — Жили впятером, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. В свободное от службы время, очень редкое, парились в бане. Чтобы разнообразить довольно скудный рацион питания, иногда выезжали на охоту или рыбалку.

В июле 1994 года Маркин получил приказ готовиться к отправке на Памир, на участок Хорогского пограничного отряда, в поселок Калаи-Хумб. Причиной стало обострение обстановки в Тавильдаринской зоне, где шли боевые действия. Оппозиционерам удалось перерезать ряд дорог в этом районе и захватить в плен военнослужащих Министерства обороны Таджикистана.

— Для отправки на полыхавший огнем участок Хорогского отряда формировалась новая резервная застава, которую мне поручили возглавить, — рассказывает Иван Анатольевич. — Моими замами были назначены лейтенанты Антон

Злобин и Сергей Яковлев, офицер Московской ДШМГ, мой однокашник. Новый коллектив создавался на базе 2-й заставы, где служил Злобин, и дополнительно комплектовался за счет некоторых других подразделений Московского отряда. Командиры по-разному отнеслись к этому решению вышестоящего начальства. Одни не чинили препятствий, когда мы забирали военнослужащих. Другие возмутились. Так, начальник Московской ДШМГ Сергей Басманов поначалу категорично заявил: «Никого я тебе не дам!» Правда, потом все же выделил четырех человек. Большую помощь в подборе кадров оказал и сам начальник Московского отряда полковник Масюк.

Предполагалось, что боевое слаживание заставы займет две недели, в течение которых будут проводиться занятия по тактике пограничных войск, огневой и физической подготовке. Но уже через два дня после того, как офицеры увидели своих новых подчиненных, поступила информация о том, что боевики планируют переправить пленных в Горный Бадахшан, а оттуда — на территорию Афганистана. На подготовку к выдвигению в район боевых действий застава получила одну ночь. А утром вертолеты с ее бойцами взяли курс на участок Калаи-Хумбской комендатуры.

«ВАС ВСЕХ ЗДЕСЬ УБЬЮТ!»

Приближаясь к месту назначения, Маркин с удивлением вглядывался в расстилавшийся внизу почти инопланетный пейзаж — он разительно отличался от просторов равнинной части Таджикистана. Вздымались к вертолетам огромные, почти лишенные растительности горы. Повсюду преобладали различные оттенки коричневого — от светло-песчаного до почти красного. Вершины сливались в две огромные стены, между которыми виднелась бурая полоска воды — река Пяндж. Вдоль нее вилась узкой серой лентой от Мургаба до Куфаба и Тавильдары стратегическая дорога — Памирский тракт. На этой ленте, словно бусины, были нанизаны редкие кишлаки. Возле самого крупного из них вертолет пошел на снижение. Борттехник, сидевший у выставленного в дверной проем пулемета, пояснил:

— Калаи-Хумб!

На земле Маркина и его сослуживцев ожидало несколько неприятных сюрпризов. Никакой охраны по периметру площадки приземления не оказалось — к вертолету мог подойти кто угодно. Площадка находилась в горах, и до комендатуры предстояло добираться в составе автоколонны. При этом большая часть вооружения и боеприпасов была в укупорке, на руках — только личное оружие офицеров. По пути то и дело попадались группы вооруженных боевиков.

— Ехали молча, стараясь не вступать в конфликты, в соответствии с инструкцией, — вспоминает Иван Маркин. — На въезде в Калаи-Хумб мы увидели разномастную толпу. Люди были вооружены автоматами, пулеметами, гранатометами... Некоторые не обратили на нас внимания, но были и те, кто

кричал в сторону колонны: «Зря вы сюда приехали! Вас всех здесь убьют!» Стало не по себе...

Сразу после прибытия пришлось детально ознакомиться с обстановкой. Возглавлял комендатуру в Калаи-Хумбе подполковник Анатолий Михеев. Он рассказал прибывшим о множестве местных особенностей, неведомых тем, кто служил на равнине. В Московском и Пянджском отрядах любого постороннего человека с оружием по умолчанию считали врагом и брали на прицел. На Памире же пограничников было совсем мало, а боевиков — множество. Поэтому любые резкие движения без крайней необходимости считались нежелательными.

Силы пограничников на прикрываемом участке были представлены российскими заставами, находившимися в фактической блокаде, и постами Казахстанского миротворческого батальона, в состав которого поочередно командировались подразделения внутренних, десантных и пограничных войск. Казбат держал позиции на ключевой высоте Микрон, позволявшей при помощи артиллерии контролировать весь прилегающий район.

Руководство Группы Пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане осознавало, что шаткое перемирие на Памире рано или поздно закончится боевыми действиями, поэтому постепенно наращивало силы в районе Хорога, Ишкашима и Калаи-Хумба. Сюда были брошены резервы из Московского и Мургабского отрядов, подразделения прикомандированной Гродековской мотомангруппы, а также Казахстанского миротворческого батальона, позднее — Душанбинская десантно-штурмовая маневренная группа. В Калаи-Хумб из Московского отряда помимо заставы Маркина прибыла инженерно-саперная группа во главе с капитаном Андреем Ковалевским. Но, несмотря на постоянный рост численности сил, пограничников на Памире все равно было недостаточно для того, чтобы эффективно противостоять боевикам.

Основная угроза исходила от ущелий (прежде всего Джавайского), которые вели к границе из глубины Афганистана. По ним

боевики пытались перебросить в Таджикистан как можно больше живой силы, оружия и боеприпасов, снаряжения. Попав на таджикский берег, все это через перевалы уходило в Тавильдару и Гарм.

— Боевики, которых мы повстречали на въезде в Калаи-Хумб, называли себя «силами самообороны Бадахшана», — поясняет Иван Маркин. — Руководили ими бандглавари Якуб и братья Салам и Мухаммади Мухаббатовы. С ними у командования Хорогского отряда был «заключен пакт о ненападении». Автономная Горно-Бадахшанская область на тот момент старалась не вмешиваться в гражданскую войну. Местные жители подчеркивали, что они не таджики, а отдельная нация — памирцы. И силы самообороны Бадахшана придерживались нейтралитета, сохраняя независимость как от российских пограничников, так и от оппозиции. При этом они периодически демонстрировали свою мощь, давая понять, кто здесь хозяева. Вместе с тем в рядах сил самообороны Бадахшана нашло пристанище немало радикальных элементов, требующих убрать из Таджикистана российских пограничников и тем самым обеспечить возможность свободного перемещения в Афганистан и обратно.

Выше по течению Пянджа обитали исмаилиты с особым мировоззрением и традициями. Их духовный лидер Ага-Хан жил за рубежом. Он регулярно посылал в Бадахшан колонны автомашин с продовольствием, которые бандиты нещадно грабили по дороге на многочисленных блокпостах.

Этот пестрый политический спектр дополняли антиправительственные силы, обосновавшиеся на сопредельной территории. В афганском приграничье концентрировались вооруженные отряды Движения исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ), бежавшие после поражения в гражданской войне. Там же находились тренировочные лагеря. Управление силами оппозиции осуществлялось из Талукана. Возглавлял их Саид Абдулло Нури. В 1987 году он был арестован за участие в деятельности запрещенной организации «Нахзати исломи». После освобождения из заключения в конце 1980-х стал главным редактором газеты «Трибуна Ислама», а в 1992-м после разгрома исламистов бежал в Афганистан, где и возглавил таджикскую оппозицию.

Однако силам, которые отстаивали свои собственные интересы в ходе незатухающей гражданской войны в Афганистане, присутствие таджикских боевиков оказа-

лось совершенно ни к чему. Афганцы были заинтересованы в выдавливании формирований ДИВТ на противоположный берег Пянджа и прекращении конфликта в Таджикистане.

За развитием событий в беспокойном районе наблюдала группа офицеров ООН. В ее состав в 1994 году входили военнослужащие из Бангладеш и Украины. Урегулировать противоречия на территории Таджикистана «голубые каски» и не пытались.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

В коллективе Хорогского отряда и Калаи-Хумбской комендатуры также все было непросто: там служило немало выходцев из Таджикистана, среди которых тоже наблюдался раскол на этнические группы. Солдаты из числа местных жителей — памирцы — считали «равнинных» таджиков чужаками. Подчиненные Маркина были уроженцами Куляба, поэтому местные к ним относились неприветливо. Это приходилось учитывать при планировании повседневной службы.

— В комендатуре нашу заставу встретили очень тепло, поскольку мы стали для нее серьезным усилением, — рассказывает Иван Анатольевич. — В первый же день часть личного состава заступила на охрану границы. Остальные занимались боевой учебой. За нее отвечал лейтенант Злобин. Несмотря на веселый нрав, Антон был отличным командиром, требовательным и к подчиненным, и прежде всего к себе самому. Во многом благодаря ему за полгода в подразделении не было ни одного случая небоевых потерь, хотя военнослужащие заставы каждый день выполняли задачи с оружием в руках и, как правило, в сложных условиях: ночами, на скалах и в движении «на броню». Неудивительно, что самые сложные задания на участке комендатуры доверяли именно нашей заставе.

Бытовые условия в Калаи-Хумбе были спартанскими. Заставу Маркина разместили в заброшенной сборно-щитовой казарме без окон и дверей. Восстанавливать ее, оборудовать спальню, офицерскую комнату, «оружейку» бойцам пришлось своими силами.

Отдельной местной проблемой являлось скверное питание. Хорогский отряд был отрезан от основной группы российских погранвойск, и со снабжением нередко возникали трудности. Главным блюдом здесь была «красная рыба» — килька в томатном соусе. Из «разносолов» — лук, залитый уксусом, который с иронией называли «памирским салатом».

— В первые месяцы пребывания в Калаи-Хумбе не раз и не два поминал я добрым словом полковника Масюка за то, что он отправил нашу заставу хорошо экипированной и оснащенной, — вспоминает Маркин. — Каждый военнослужащий прибыл в Калаи-Хумб с тремя сутодачами сухого пайка, двумя комплектами обмундирования и пятью — боеприпасов. У каждого была качественная «альпийка» (сейчас такую одежду называют «горкой»). Все бойцы получили денежное довольствие на три месяца вперед. Также имелись спальные мешки, палатки и все необходимое для автономного проживания. С таким обеспечением нас можно было выбросить где угодно, на любом участке границы.

Этим подразделением Маркина разительно отличалось от других: в Калаи-Хумбе нередко можно было встретить солдата в поношенном обмундировании и сапогах с подвязанными проволочкой подошвами. Неудивительно, что в глазах местных жителей прибывшая заставка выглядела очень выигрышно. Они решили, что новое подразделение — какой-то особый

Военнослужащие Калаи-Хумбской и Гродековской мотоманевренных групп на участке заставы «Кеврон». Осень 1994 года

БТР Калаи-Хумбской ММГ перед выездом на задание

пограничный спецназ. Весельчак Злобин не преминул подтвердить это мнение.

Вообще, шутил он постоянно, нередко сохраняя абсолютно серьезное выражение лица. Был случай... Приехавший из Москвы полковник увидел на руках Злобина штурмовые перчатки. Поинтересовался:

— Зачем Вам этот элемент экипировки?

— Когда приходится прыгивать с брони под огнем противника, — пояснил Антон, — я совершаю кувырок и приземляюсь на руки. Чтобы их не порезать о щебень и камни, эти самые перчатки и нужны... Но если говорить серьезно, то больше для понта, конечно же!

Многие сослуживцы становились жертвами его беззловонных приколов, но они не обижались — знали, что в критической ситуации Антон первым придет на помощь.

Очередной шуткой стала и байка про «суперсекретный спецназ пограничной службы».

— Один из казахстанских офицеров, — улыбнулся Иван Маркин, — глядя на наши камуфлированные «разгрузки», не очень практичные, но эффективные, и китайские «лифчики», поинтересовался: «Правда, что на Памире действует секретный российский пограничный спецназ — в экспериментальной

форме, с особым вооружением?» — «Да, есть такой, — не растерялся Злобин. — «Памирские барсы»! Экипированы и вооружены по последнему слову. Отбиваются до последнего патрона, потом подрывают себя и уходят в легенду!» Так началась жизнь «памирских барсов». Мы старались подтверждать неожиданную славу делами, став самым боеспособным резервом комендатуры.

Было очевидно, что шаткое перемирие между российскими пограничниками и местной оппозицией продержится недолго. Поэтому «памирские барсы» активно готовились к боевым действиям. Свою штатную технику подразделение оставило в Московском отряде, а на новом месте дислокации получило три БТР-80 и одну постоянно «кашляющую» БМП-2. Это был «бронированный кулак» заставы.

В число задач, решаемых Калаи-Хумбской комендатурой, входило выставление дозоров и засад, предотвращение незаконных переправ через Пяндж, поиск схронов с оружием и боеприпасами. Но нередко действия, спланированные на основе разведанных, не приносили результата: силы самообороны выполняли задачи прямо противоположные.

— В один из августовских дней 1994 года от разведки поступила информация, что готовится незаконная переправа в районе афганского кишлака Нусай, — вспоминает Иван Маркин. — Это чуть в стороне от Калаи-Хумба. Я во главе группы бойцов выдвинулся к месту предполагаемого нарушения границы. Прибыв туда, мы обнаружили группу боевиков, с ног до головы увешанных оружием. Я приказал подчиненным занять позиции на берегу реки, а сам отправился на переговоры. Оказалось, мы планировали не допустить незаконную переправу, а они — встретить тех, кто должен переправиться.

Район находился под прицелом российской минометной батареи, и боевики это отлично знали, а у нас был приказ не идти на конфликт... Мы просидели ночь напротив друг друга, болтая о том о сем. Переправа не состоялась, и утром боевики отправились восвояси. Мы тоже двинулись в обратный путь. Впрочем, наш результат, хотя и не вполне соответствовал запланированному, оказался куда более ощутимым. Из неспешного ночного разговора я узнал немало интересного о командирах боевиков и их планах. Все эти данные передал в разведотдел. **ВГ**

Продолжение следует

Текст: Татьяна ОСИПОВА

О себе. Жена офицера. Сержант пограничных войск в отставке. Прослужила с мужем 25 лет на заставах, из них 20 – в Мурманской области. Стихи и песни пишу со школьной скамьи. Многие из них – о границе и, конечно, о людях, посвятивших жизнь защите рубежей Родины.

Я ПОМЕНЯЛА ГОРОД НА ЗАСТАВУ...

ВАЖНОЕ СЛОВО

Есть в моей жизни важное слово.
Слово одно, а вмещает в себя
Все, что знакомо, и все, что так ново,
Все, что забыть не смогу я, любя.
Это и море, и тундра без края,
Это Эстония, Калининград,
Синие сопки и голубая
Россыпь озер, что в глаза мне глядят.
Это Лапландия – край снежной сказки,
Это карельских берез хоровод,
Полярного солнца нежные ласки
И по полгода ночной небосвод.
Это друзья, что со мною делили
Радости, трудности – все, что сбылось.
Это все те, кто меня полюбили,
Это все те, с кем расстаться пришлось.
Что же за слово волшебное это?
Может ли слово вместить между букв
Ночи бессонные, дни без рассветов,
Много забот, и тревог, и разлук?
Мне не поверят все те, кто не знает
Службы на наших родных рубежах.
Память напомним, память узнает,
Стоит лишь только сказать не спеша
Слово «граница»...

МОЕМУ ЛЮБИМОМУ МУЖУ

Я поменяла город на заставу,
Все развлеченья – на умение ждать.
И можешь ты теперь меня по праву
Женою пограничника назвать.
Я не забыла шутки и веселье –
Здесь люди лучше, крепче и сильней.
Здесь праздник – даже просто воскресенье,
Лишь поделиться радостью сумей.
Нет, не жалею, что теперь с тобою
И радость, и печали пополам,
Что ты зовешь меня своей женою
И обнимаешь нежно по утрам.
Твоих забот на плечи половину
Я добровольно положу себе.
Я много вынести смогу, любимый,
Пусть только легче послужится тебе.

***

Не надо слов, пожалуйста, не надо!
Мы в тишине с тобою помечтаем.
Не говори, что я – твоя отрада,
Я и без слов прекрасно это знаю.
Мне хватит взгляда – я все понимаю:
Движенья рук и губ, твое дыханье.
И я от счастья в облаках летаю,
Вплетая в радость горечь расставанья.

ТЕЛЕФОН

Расставанье с тобой... расставанье опять.
 И звонок телефона — лишь слабая нить,
 Что, как лучик надежды, нас может связать,
 Чтоб могли мы с тобой просто поговорить —
 О тебе, о тоске, что мне в сердце стучит,
 О ребятах, проблемах, о том, что люблю...
 Телефон, я взываю к тебе: не молчи!
 И не бойся звонком разбудить — я не сплю!

МОЕМУ МУЖУ

Вот наконец ты дома. Дочка спит,
 А мы неспешно разговор ведем
 О том, что осень на дворе стоит
 И надо по грибы сходить втроем.
 О том, что дни так бешено летят,
 А мы давно им потеряли счет...
 Но тут звонок, и вновь зовут тебя,
 Ты виновато шепчешь: «Не везет...»
 Я не выдерживаю, я тебе кричу,
 Что не могу тебя все время ждать,
 Что я так больше просто не могу,
 Что не умею нашу жизнь понять.
 А ты спокойно смотришь на меня.
 Ты знаешь: успокоюсь, замолчу,
 А потому, за плечи приобняв,
 Ты слушаешь, что я тебе кричу.
 И я стихаю, стоя пред тобой,
 И губы тихо шепчут: «Ты прости!
 Прости меня, любимый мой, родной.
 Конечно, тебе нужно — ты иди».

ПРИЗНАНИЕ

Как мне уютно на руке твоей спать,
 Как мне спокойно за спиной твоей жить.
 И можно просто легкомысленной стать
 И так беспечно по течению плыть.
 Я точно знаю: ты — опора моя,
 И свято верю я в надежность и честь.
 И просыпаюсь среди ночи, моля
 На Божью волю все оставить как есть.

ГРАНИЦА

Десять лет я живу на границе.
 Это много ли? Мало? Не знаю.
 Мне родной город больше не снится,
 И в лесу я уже не скучаю.
 Десять лет я живу на границе.
 Были встречи, друзья, расставания...
 Тяжело было с кем-то проститься,
 Научилась я жить ожиданием.
 Десять лет я живу на границе,
 Кто ругает ее, а кто хвалит,
 Я ж успела в границу влюбиться,
 И забыть ее — жизни не хватит.

КОМАНДИРОВКА

У тебя — опять командировка,
 У меня — холодная постель.
 То, наверное, моей судьбы уловка:
 Ждать тебя и в стужу, и в капель.
 Ждать, невольно время подгоняя,
 Лишь на телефон благословясь,
 Из минут недели собирая,
 Перед сном надежде помолясь.
 Каждое совместное мгновение
 Разлеять в памяти, как год!
 А потом — писать стихотворение,
 Проживая дней водоворот...
 Без тебя прошел сегодня ужин,
 Дети спят, и мне давно пора.
 Знаешь, ты сейчас мне очень нужен,
 Впрочем, как и завтра, и вчера.

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ

Офицерские жены не носят погон,
 Им не платят зарплату за звание.
 Но от древней Руси и до наших времен:
 Офицерские жены — призвание!
 Им ночами не спать, когда муж на посту,
 Им в тревоге жить и в ожидании,
 Им рассказывать мужу, как дети растут,
 На коротких встречах-свиданиях.
 Офицерские жены умеют терять,
 Улыбаться при расставании,
 Прятать слезы и, губы кусая, молчать.
 Офицерские жены — призвание!

***

Солнце нас понежило день всего один,
 И опять из серости потекли дожди.
 Капли плачут, падают, душу бередают,
 Словно разноцветье смыть собой хотят.
 А как солнца хочется и его тепла!
 Чтобы хоть ненадолго, но жара пришла!
 Чтоб купаться в озере, отдыхать в лесу,
 Прославляя песнями Севера красу!
 Пусть она, суровая, по нутру не всем,
 Но уж если влюбишься — это насовсем.
 Вспоминаешь в отпуске ты суровый край.
 Знаешь, хоть и редко, здесь бывает рай!

***

Поезд. Перестук колес. Качает,
 Словно в колыбели очутился.
 Поезд едет — это означает:
 Кто-то с кем-то где-то разлучился.
 Рельсы бесконечно убегают,
 Может, в утро, а быть может, в вечер.
 Рельсы есть, а это означает:
 У кого-то с кем-то будет встреча.

СОН

Остыло сердце, и дыхание сбилось.
Я умирала, плакала, кричала...
Сегодня мне в кошмарном сне приснилось,
Что ты ушел, с другой начав сначала.
Ты не ругался, отвечал спокойно,
На зло колючих слов не обижаясь.
И предлагал расстаться нам достойно.
Я ж не могла расстаться, не сражаясь!
Как выразить словами боль потери?
Как хорошо, что я смогла проснуться!
И, в страшный сон несколько не поверив,
К тебе я поспешила прикоснуться.
Все Слава Богу! Это сновиденья.
Они уйдут, их ночь возьмет с собою.
Весь день переживая то виденье,
Я так хотела ближе быть с тобою.

НОРВЕЖСКО-ФИНСКАЯ ГРАНИЦА

Где за Полярным кругом тундра белая лежит,
Где царствуют метели и ночами солнце снится,
На рубеже России нам приходится служить —
Проходит сквозь сердца норвежско-финская граница.
Паз, Лиинахамари, Раякоски, Каскама —
Успели к языку эти слова давно прижиться.
Здесь все для нас родное, и конечно же, сама
Ты стала частью нас, норвежско-финская граница.
Пусть Никельский отряд полгода снегом занесен,
Бывает, в сентябре на землю первый снег ложится.
Но нам служить здесь и любить тебя за все,
Заполнила ты жизнь, норвежско-финская граница!

МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ ПО НОЧАМ ВОЙНА

Мне часто снится по ночам война...
Хоть я ее не видела воочию.
Я вижу, как безжалостно она
Шагает по земле и днем, и ночью.
Мне часто снится по ночам война...
Я вижу, как взрываются снаряды.
Исчезнет вдруг ночная тишина —
И стоны раненых услышу где-то рядом.
Мне часто снится по ночам война...
Я вижу, как от бомб пылает хата.
И плачет кровью вся моя страна
Перед могилой павшего солдата.
Мне часто снится по ночам война...
И просыпаюсь я в поту холодном.
Наверное, войной озарена
И наша юность в платье ультрамодном.
Мне часто снится по ночам война...

МАЙ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Только белые ночи подскажут, что май
Из-за снежных заносов свой лик показал.
И несмелое солнце в суровый наш край
Тонкий луч посылает попасть нам в глаза.
Жадным взглядом стараясь тот лучик поймать,
Все немного проснулись: приходит весна!
И не очень-то важно, что с неба опять
Сыплет снег, продлевая поэзию сна...

Редакция приглашает к диалогу

Уважаемые читатели!

Не так давно мы отметили 25-летие. Все эти годы на страницах изданий «Пограничник Содружества» и «Ветеран границы» вы могли увидеть материалы об актуальных тенденциях международного сотрудничества в сфере охраны государственных рубежей; обстановке в зоне ответственности каждого из пограничных ведомств СНГ; людях, внесших огромный вклад в историю границы.

В наших текстах и иллюстрациях — развитие общественного движения ветеранов; застывшие в бронзе, граните, мраморе подвиги защитников Отечества; события давно минувших дней, отголоски которых литаврами или набатом звучат и сегодня. Интересные факты, уникальные фотографии, традиционные и неожиданные темы мы предлагаем вам в каждом номере. Но... у читателей всегда есть особые пожелания. Их, а также свои замечания и предложения вы можете:

оставить в соответствующем разделе опроса, размещенного на сайте Совета командующих Пограничными войсками skpw.ru,
прислать по электронному адресу:
skpw.sng@yandex.ru,
направить в редакцию почтой по адресу:
115093, г. Москва, а/я 4,
высказать по телефону:
8 (495) 221-93-24,
доб. 50-66, 50-67, 50-68, 50-69.
Ваше мнение очень важно для нас!

skpw.ru

(СКПВ СНГ)

официальный сайт Совета командующих Пограничными войсками

Сайт предназначен для доведения до широкой общественности информации о деятельности Совета командующих Пограничными войсками по обеспечению надежной охраны внешних границ государств – участников Содружества и защите их национальных интересов в пограничных пространствах.

Страницы сайта:

- «Совет командующих»;
- «Координационная служба СКПВ»;
- «Мероприятия СКПВ»;
- «Архив новостей»;
- «Взаимодействие»;
- «Информация»;
- «По страницам пограничной прессы»

